

И-86

САМАТОВ 43.70

ЯВЛУКОВА 2

ОБЛ. ДЕТСК. В-КЕ

14 1.12 ИСКРОВА 3

1982

Искорка

№ 9 ★

Искорка

Ежемесячное приложение к газете пионеров и школьников «Ленинские искры» — орган Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ. Ленинградского Совета пионерской организации имени В. И. Ленина

И. Демьянов

Рисунки П. Вискова

Дорога в космос

Светлой памяти К. Э. Циолковского

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА
г. Саратова

Смотрит вниз на Землю нашу
Космос
С высоты, где не летали птицы,
Не свистели крылья самолётов,
Не кружились лёгкие
снежинки...

С высоты, куда не залетали
Ни снаряд, ни стрелы
грозовые.

Даже ветер, озорной и смелый,
Не решался побывать на этих
Головокружительных высотах,
Где конца и края
просто нету!

Но сюда, где дна не знает
бездна,
Залетели мысли человека!
Их Луна развела однажды:
Луч её по всем дорогам
бродит —

По лесам, полям Земли далёкой.
Раз проник он ночью и
в окошко,
В комнату, где думал
Циолковский.

Человек, в мечтах и грёзах
дерзких,
Он достиг высот неизмеримых...

« — И зачем я нужен
человеку? —
Думал Космос. — Разве
не хватает
На Земле неведомых просторов

ЕСЛИ ШАГАТЬ К НЕМУ...

НОЧЬ ещё не пришла сюда, чёрная южная ночь. Где-то там, за Медведь-горой, притаилась она. С духом, что ли, собирается? Ну ладно, приходи к нам, ночь, всё равно здесь будет светло, как днём, потому что ярко пылает наш артековский костёр, и даже дым, стелющийся от него над морем, прозрачен... А море — вот оно, рядом, играет камешками у самого берега: даже слышно, как они шуршат...

Интересно, мог бы я добросить туда гольшиок? Жалко, что нельзя попробовать: все ребята возмущаются и скажут, что если мне не интересна тема нашего диспута, то я очень свободно могу топтать в спальню и храпеть там до самого подъёма. Но мне интересна тема нашего диспута, потому что он про самое главное в жизни — про подвиг.

Только я не очень умею выступать на собраниях и чаще всего молчу, как вот сейчас у костра. А если долго молчишь, когда другие спорят об очень важном, то в голову начинают лезть самые неожиданные мысли. Ну, например, вот такая. Герой — он какой: самый обыкновенный человек, или есть в нём что-то особенное? Обязательно ли для по-

двигу нужно ждать пока вырастешь? Но вон сидит у костра Владимир Петрович Казначеев, почётный гость нашего Всесоюзного слёта. Уж он-то герой признанный: награждён за свои партизанские подвиги орденом Ленина. А когда он их совершил? В пятнадцать лет.

ПЕРВЫЙ ЭШЕЛОН

Летом сорок первого года фашисты расстреляли мать Володи Казначеева.

Двое суток просидел он в лесу, боялся возвращаться домой в Соловьяновку: не знал, как скажет старшей сестре и братишке-малышу про смерть матери.

Здорово плакал те два дня и две ночи Володька. На третий день побрёл в родную деревню.

Дома его всё же ждало некоторое утешение. Посреди избы стоял Геннадий Андреевич Мусиенко, командир партизанских разведчиков из отряда имени Щорса.

— Вот что, — сказал Мусиенко, перебирая пальцами ершистые Володькины волосы, — всё равно житья вам тут не будет. Давайте-ка к

И стал Володя Казначеев ездовым. Как нарочно, и лошадь попаласть ему смиренная. Ровно потекла жизнь у Володи. Воду привезёт для кухни, снаряды переправит в назначенное место — и вся работа. Партизанам уже и шутить на-

нам в отряд — ты и Алёнка... А младшенького сберегут соседки, я уже обо всём договорился.

В отряд Володька пошёл охотно: дома после смерти матери и стены давили. Партизаны приняли его как своего, разве только, пошучивая над пареньком, иногда спрашивали:

— Ну, когда в дело пойдём, Казначеев? Ждёт тебя тут один фрицевский генерал, прямо не дождётся, когда ты его за холку схватишь — и к нам в обоз!..

Партизаны дружно и не обидно хохотали. Мальчишка вздыхал: конечно, где ему до них, пропахших дымом героических сражений.

— Ладно, — сказал однажды Мусиенко, — не всем на роду написано из атаки в атаку ходить. Побудешь в отряде ездовым.

скучило, как вдруг вызвал Казначеева командир:

— Выпрягай конька из телеги. Поскачешь в штаб соединения. Передашь вот этот пакет. Только помни: он очень важный. Так что в руки к немцам тебе попадаться никак нельзя.

Что же вы думаете, — домчал Володька пакет по адресу! Именно не довёз, а домчал! Сам не понял толком, что в те часы стряслось с ним и его коньком. Пулей летел рыжий меринок, словно слышал, как нашёптывал ему Володька в самое ухо: «Ну скорей, миленький, ну скорей...» Вылетели к берегу какой-то речонки, перемахнули через зыбкие мостки, а вдогонку истошное: «Хальт! Хальт!»

Когда вернулся Володька обратно в отряд, Мусиенко объявил новый приказ:

— Перевожу тебя, Казначеев, из ездовых в связные. Заслужил!

С той поры не раз мчался Володька той же самой дорогой в штаб партизанского соединения. Только коня ему сменили — дали порезвее. Партизаны шутили теперь иначе:

— Ну, генерал-то тот, бают, со страху домой в Германию убёг! Я, грит, не могу больше с Казначеевым в одном лесу существовать. Беспременно сцапает меня тот связной Казначеев!

Тут уж смеялся добродушно и Володька.

Но вот ударили грозвые дни октября сорок второго года, и стало щорсовцам не до смеха. Две кадровых вражеских дивизии окружили в Брянских лесах знаменитое партизанское соединение генерала Фёдорова, куда входил и щорсовский отряд, и жестоким огнём прижали партизан к земле. Семь суток пробивались отряды из окружения. Множество бойцов потеряли.

Вышли к железнодорожной ветке, и тут встала перед ними боевая задача: рвать тот путь беспощадно, громить фашистские поезда, что неслись в сторону далёкого фронта... Из Москвы к щорсовцам прилетели специальные инструкторы взрывного дела.

И тогда, сам не поняв, как это случилось, пришёл Володька к Мусиенко:

— Геннадий Андреич... разрешите мне в подрывники...

Всё было, как он и предпологал: Мусиенко усмехнулся, взлохматил мальчишкину голову и отправил связного обратно. Но Володька упрямо являлся с той же просьбой три дня подряд. Мусиенко сперва негодовал, потом удивлялся, потом...

— Ладно, — сказал он неожиданно тихо и как-то задумчиво. — Может, так и надо, хлопчик мой...

Месяц пролетел, как конь на скаку. За этот срок московский инструктор обучил Володю Казначеева вместе с другими партизанами взрывному делу. А когда принимал экзамен у Володьки, даже удивился:

— Да ты, парень дорогой, талант! Ловок, быстр, сноровист — в общем, заслужил пятёрку!..

С этой пятёркой и отправился Володька на первое задание.

Шли осторожно. К полотну придвинулись ползком. И тут хлесткие пулемёты патрулей, охранявших железную дорогу, накрыли группу.

Назад выбрались, потеряв половину отряда. Володька, оглушённый пальбой, лежал за громадной лиственницей, бессильно раскинув руки, слышал глухой тенорок командира группы:

— Всё же отсюда не уйдём... не уйдём. Они думают, что мы совсем утекли, а мы здесь останемся...

Сообща приняли дерзкое решение: фашисты остерегаются вечерней или ночной

диверсии, а мы ошарашим их при свете белого дня!

...Мерно шагают вдоль полотна три фашистских солдата. Отсюда, из засады, слышно даже, как цокают их кованые сапоги. Володька вместе со вторым подрывником лежит возле командира. Сейчас патруль скроется за поворотом, вот эти считанные минуты и надо использовать...

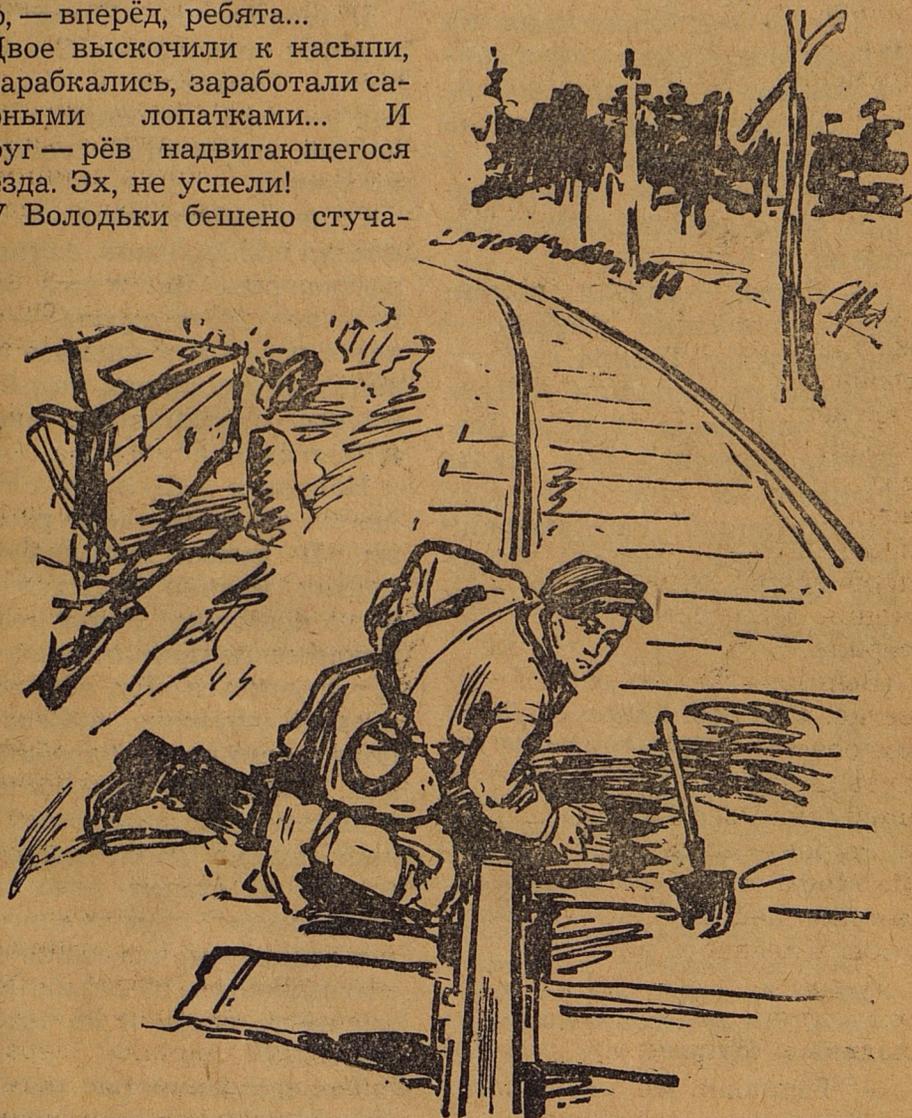
— Вперёд, — шепнул командир, — вперёд, ребята...

Двое выскочили к насыпи, вскарабкались, заработали сапёрными лопатками... И вдруг — рёв надвигающегося поезда. Эх, не успели!

У Володьки бешено стуча-

ло в висках. Лёжа в придорожном кювете, видел мелькавшие над ним колёса вагонов. Лязгали вверху вагонные буфера, словно выговаривали: «Смерть везём, смерть везём». Танки на платформах, пушки на платформах — да, это смерть мчалась к далёким нашим городам и сёлам... Умчался эшелон...

— Стой! — крикнул Володька напарнику, отползав-

шему в лес. — Этот пропустили, следующий не уйдёт!

Напарник безмолвно махнул в сторону поворота: оттуда, мол, с секунды на секунду снова появится фашистский патруль. Но Володька уже был на насыпи. Скатился оттуда как раз в то мгновение, когда из лесу послышался предупреждающий свисток: патруль снова шагал по шпалам.

...Через несколько часов на Володькиной mine подорвался эшелон со снарядами. Глядя, как целые вагоны, встав на дыбы, разлетаются в клочья, Володька почувствовал, что у него по лицу текут слёзы.

— Ладно, — сказал командир, — геройский паренёк, а расхлюпался. Пошли на базу.

И группа зашагала на базу.

...С той поры Володя Казначеев подорвал ещё девять фашистских эшелонов. Сам командующий партизанским соединением генерал Фёдоров повесил на грудь Володи орден Ленина.

А СЕЙЧАС Владимир Петрович Казначеев у нас на слёте. Это, конечно, здорово! Обыкновенный парнишка стал знаменитым героем. Только это когда было? В войну. Там за каждой кочкой ждали ребят геройские возможности. А сейчас? Время тихое, мирное. С кем схватиться нам, мальчишкам, в отважном бою? А, может, всё же есть с кем? Вон про делегата слёта Володьку Шейнина, что рассказывают...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

В «ЛАСПИ»

На ночь ребята любили рассказывать страшные истории. Прикроет вожатый осторожно дверь, выйдет, а мальчишки всхрипят разок для вида, и тут кто-нибудь заведёт:

— А ещё докладывал мне один знакомый капитан такую историю...

Пионерлагерь «Ласпи» находится как раз под Севастополем. Севастополь, как известно, город морской, героический, видел он на своём веку многое.

Сидят ребята, натянув одеяла до подбородков, слушают рассказчика. Колотятся сердца — нет, не от страха, — греются ребятам и дальше плаванье, и орудийная пальба, и матрос, в одиночку взявший в плен белого генерала...

Володька Шейнин тоже любил слушать такие рассказы. В самых напряжённых местах мрачно вздыхал: эх, было времечко! Какие теперь героические приключения могут случиться? Ну, обучил он в своей дружине, в Севастополе, семьдесят барабанщиков. Так шуму было, словно и впрямь совершил бессмертный подвиг. Конечно, отпираться не станет, дело славное — какая дружина не будет гордиться, что столько барабанщиков в её рядах. И всё же не та слава и не тот подвиг...

Так, или примерно так, размышлял Володька Шейнин в

севастопольском лагере «Ласпи», когда снова отворилась дверь спальни и самым неожиданным образом возник на пороге лагерный физрук Георгий. Ребята мгновенно дали задний ход: опрокинулись на подушки, одеяла на головах, ноги до колен голые...

— Ладно, — сказал Георгий, — прикидываться будете потом.

Что-то тревожное было в его голосе, и это сразу поняли все и сразу опять уселись на кроватях. Георгий внимательно вглядывался в ребячьи лица: ну что ж, мальчишки уже большие, а выхода другого нет...

— Четверо пойдут со мной. Ты... ты... ты... и ты... Остальным спать!

Четверо быстро оделись. Среди них был и Володька Шейнин. Шнуруя ботинки, недовольно морщился: ну вот, опять какую-нибудь игру задумали вожатые — «пропавшее звено» или ещё что поскучнее... Георгий уже вышел, четверо догнали его на ступеньках лагерьной дачи. Подошёл один из вожатых. Георгий сказал тихо:

— Только что звонили из Севастополя, из городской милиции. Двое преступников удрали из-под стражи и, по всем данным, рыцуют где-то тут, по берегу, в районе лагерного пляжа. Милицейская машина выехала, но, сами понимаете, преступников из виду выпускать нельзя. Тем более что по берегу они ры-

цуют не зря. Подойдёт какая-нибудь шаланда — и ищи-свищи ветра в море...

У Володьки сияли глаза. Вот оно, приключение, по которому прямо извёлся, мечтал! А Георгий, словно угадав мальчишкины мысли, добавил строго:

— Дело это очень серьёзное. Берём вас лишь потому, что мужчин у нас в лагере больше нет. И условие такое: без меня никаких действий не предпринимать. Ясно?

Гуськом по тропинке спустились к пляжу. На берег не вышли, притаились у громадных камней. Ночь была светлая, и в зыбком её свете каждая тень казалась подозрительной.

— Вот что, — сказал Георгий: — мы вдвоём обойдём пляж, а вы стойте тут. Старший группы — Шейнин. Понял?

— Понял, — сказал Володька, очень гордый назначением. — Стоять здесь!

Вожатый и Георгий исчезли. Ребята напряжённо оглядывали пляж. Да разве отсюда, из-за камней, что-нибудь увидишь?

Вдруг откуда-то со стороны ущелья раздался протяжный крик. И сразу же на пляж выскочили двое. Наверное, настигли их в ущелье Георгий с вожатым, да увернулись преступники, бегут сюда, прямо к камням. Всё ближе, ближе их тяжёлый топот... Сейчас промчатся мимо, а там сто шагов вверх —

и вот он, лес, в нём их уже не поймаешь...

Первым прыгнул навстречу двоим Володька. Задышавшись от волнения, увидел: впереди бежала женщина. Заметив ребят, она с криком прижалась к камню... Второй — мужчина — круто повернулся и побежал вдоль пляжа.

— Стой! — крикнул Володька. — Стой, говорю!

Бандит остановился. В его руке сверкнул нож.

— Ну, — сказал он хрипло, — стою. А ты подходи, подходи... — И медленно стал пятиться, поднимаясь к лесу. Эх, уйдёт, бандюга!..

Дальнейшее произошло с быстротой молнии. Кто-то из ребят, обойдя преступника, кинулся ему под ноги. От неожиданности тот пошатнулся, отвёл глаза от Володьки. И в это мгновение Шейнин всей тяжестью повис на его руке. А через секунду на бандита надели остальные ребята. Подоспевшим водителю и Георгию оставалось только отнять нож, скрутить преступнику руки...

— Так вот какие бывают истории... — начал на следующую ночь в лагерной спальне очередной рассказчик. Но, взглянув на мирно похрапывавшего Володьку, замолчал.

Подробностей новой истории он не знал, а о старых рассказывать в эту ночь как-то не хотелось...

ДА, я тоже вспомнил эту историю, которую знает теперь весь Артек. Я видел здесь, на слёте, самого Володю Шейнина. Он был ассистентом при знамени Всесоюзной пионерской организации на открытии слёта. Не зря, конечно, ему такая честь.

Ну да ладно... Это всё подвиги в сражениях, схватках, — согласен. А вот тут, у костра, заговорили о трудовом подвиге. Оно, конечно, поскучнее, чем когда рвутся мины или сверкает бандитский нож... Или, может, я ошибаюсь?

УЛЫБКА МАМЛАКАТ

Кто в тридцатые годы не слышал о Мамлакат Наханговой, маленькой таджичке из Душанбе? Одиннадцатилетняя девочка со множеством прямых, как стрелки, косичек улыбалась с газетных портретов.

Но даже её современники далеко не все знали, как не просто пришла эта улыбка на смуглые щёки Мамлакат. Сперва немало слёз скатилось по ним под палящим азиатским солнцем...

Было так. В колхозе, где жила Мамлакат, забили тревогу: вблизи появились басмачи. Недобитые бандиты убивали людей, жгли селения, а потом уходили за рубеж — на отдых и за патронами. И налетали снова. И хоть громили этих бандитов наши красноармейские части, но хлопкоробы жили в такие дни тревожно.

Впрочем, кое-кому эти на-

лёты были на руку. Полз из дома в дом слушок: «Не выходите в поле, и вас не тронут... Не собирайте хлопок, пусть погибнет без воды — и останетесь живыми...»

Это бывшие кулаки действовали исподтишка заодно с басмачами. Словно кинжал в сердце был им колхозный строй. Словно смертельная пуля была им дружба русских и таджиков...

Мамлакат шёл десятый год, и она не очень-то разбиралась в политике. Просто каждый день после занятий в школе выходила с матерью на хлопковое поле и работала там допоздна. И ещё знала то, о чём не раз рассказывал старый учитель в школе: стране нужен хлопок. Ой, как нужен — как вода полям, как воздух всему живому!

А потом однажды директор школы попросил пионеров остаться после уроков в классе. Пришёл сюда и председатель колхоза. Жарко палило солнце за окном, и жарким ветром тянуло с далёких песков...

— Вот что, — сказал председатель голосом весёлым и звучным: — вы уже большие, и с вами можно говорить всерьёз. Видите это солнце? Оно всегда будет стоять в небе. Видите эти поля? Они всегда будут цвести хлопчатником. Но как быстрее собрать наше «белое золото», чтобы не сгорело оно на солнце?

И председатель попросил пионеров помочь колхозникам.

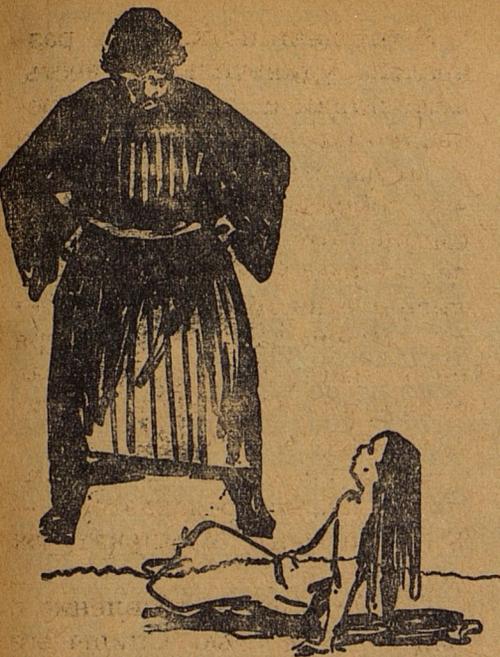
Шептуны пустили в народе слух: «Вас тиранят большевики... Разве может один человек собирать за день тринадцать килограммов хлопка? Долой такую норму!» Ребята должны были доказать, что даже им по силам такая работа. На следующий день отряд появился в поле. Оглянулись, пересчитали ребят — половина осталась дома... Так и есть, не пустили их родители. В дом к матери Мамлакат кто-то тоже подбросил ночью записку: «Ужасная кара ждёт твою девочку, если вмешается она в дела взрослых...» Плакала перепуганная мать, когда Мамлакат стала собираться на работу. И всё же пересилила себя, отпустила.

В тот день по колхозу разнеслась удивительная весть: мальчишки и девчонки перевыполнили норму взрослых! А когда стали проверять то, что собрала Мамлакат, приёщик помчался на велосипеде за председателем. Вернулись оба на том же велосипеде. Председатель, несмотря на возраст, бешено работал педалями. Стали перевешивать хлопок Мамлакат.

— Сорок три килограмма, — сказал председатель. — Ущипни меня, Мамлакат, уж не сплю ли я!

Он умчался в правление с радостной вестью. Спицы его велосипеда слились в большой солнечный круг. И Мамлакат счастливо жмурилась на солнце, подняв руки к без-

облачному небу, словно грелась в его лучах. Хороший был денёк!

Вечером её избили. Впотымах, накинув грязную тряпку на голову, кричали над ухом мерзкие слова и колотили костлявыми кулаками.

— Запомни, — хрипел один, — убьём, если хоть ещё раз выйдешь в поле!

Но, отлежавшись с неделю дома, Мамлакат опять появилась в поле. Через месяц её подтащили к колодцу, и тот же хриплый голос сказал:

— Бросим на дно — и конец.

— Не стóбит, — сказал другой. — Тогда ей ещё памятник поставят — героиня. Лучше руку выломаем.

Но тут из темноты на бандитов бросилось несколько колхозников. Они сторожили Мамлакат и знали, что напа-

дение может повториться. Им помог подоспевший милиционер. Девочку спасли, а бандитов судили открытым судом.

Снова в поле выздоровевшая Мамлакат. Да, она стала героиней! Но совсем не потому, что чуть не убили её враги колхозного строя. Другая слава Мамлакат гремит по всему Таджикистану: сто килограммов хлопка в день собирают её смуглые руки! И вот уже вся Советская страна чувствует пионерку Мамлакат Нахánгову. Да, это — подвиг! О нём рассказывают все газеты страны. О нём поют песни, и поэты слагают вдохновенные строчки стихов... И впервые в истории Советского государства на груди одиннадцатилетней пионерки рядом с алым галстуком сверкает орден Ленина!

ЗДОРОВО! Я видел Мамлакат здесь, в Артеке, она тоже почётный гость слёта... Эх, мальчишки, девчонки, разве не завидно? Такая судьба!.. Ну, мы тоже работаем, скромничать нечего. Радька Рахманов из Уфы — он целый отряд на лето в совхоз привёл и помог ему выбраться из прорыва. Или ребята из Ленинграда — разве плохо они помогли строителям здесь, в Артеке?

Но подвиг это или не подвиг? И вообще — когда труд из обыкновенного становится героическим? Таким, чтобы о нём даже песни пели?

ВОТ ОНА, ПЕСНЯ!

— О-лё-лё!

— О-лё-лё!

Горный орёл, поднявшись с кручи, кружит изумлённо,

слушает песню. Кто поёт её в это раннее утро?

Коля Муйтуев поёт, алтайский пионер и чабан. Съехал в седле чуть набок, — так красивой посадка, — щёлкнул бичом и снова запел.

О-лѐ-лѐ, слушай, орёл! Эта песня о том, что опять ударило звонкое лето, и колосья зазеленели в полях, и горы задышали ароматными травами. Потому и поднимается колхозная отара к перевалу — там, в горах, ждёт её тучное пастбище. А если много еды будет для овец, значит, много будет мяса и шерсти, и к колхозу придёт богатство, и в Усть-Канском интернате, где учится Коля, соберётся совет пионерской дружины и скажет: «Однако молодец Коля Муйтуев, здóрово поработал на каникулах!» Но, может быть, и не скажет, потому что Коля тоже член этого совета, а хвалить самих себя совсем не обязательно...

Свистнул бич впереди. Это подправил отару Ток Муйтуев, Колин отец. Отличный чабан старый Ток, куда до него мальчишке! А всё-таки взял сына с собой и на этот раз; уже пятый год подряд берёт с собой в горы, — знать, нужен ему здесь хороший помощник. Не смейся, орёл, Ток не взял бы с собой труса и плаксу на такое дело. А какое дело на перевале, ты знаешь. Несколько лет назад Пётр, старший сын Тока, гнал табун лошадей через перевал, не разглядел в тумане дорогу, его лошадь подалась впра-

во — и полетела в пропасть. А Пётр уцепился на лету за камень — тем и спасся... Вот какие дела на перевале!

Так пел тринадцатилетний Коля Муйтуев, алтайский чабан и пионер, июньским утром шестьдесят первого года перегоняя колхозную отару на горное пастбище. А когда началась работа, тут было уже не до песен. Построили с отцом шалаш из кедровых веток и стали пасти овец. Лето прошло без особых приключений, если не считать того, что однажды ночью пришлось отогнать медведя: бурый полез за овцой, да нарывался на услышавших его чабанов. Глупый «горный хозяин» испугался треска бичей, — за выстрелы, что ли, принял? Очень устали Ток и Коля — несколько бессонных ночей провели, всё ждали, не нагрянет ли снова косматый. Ух, рассердится тогда, если увидит безоружных людей, совсем плохо придётся...

— Однако, — сказал Ток в августе, — ложись, отоспись, Николай, «хозяина» уже нет: охотники убили. А нам с тобой надо возвращаться в колхоз. Гляди-ка на облака.

Они и впрямь ползли над самым лугом, — так низко, что Коля чувствовал их влажную духоту. А наутро уже не ползли — летели, крутились на свирепом ветру.

— Пора, — сказал Ток, седлая коня.

И Коля стал седлать коня. Только тронулись в путь,

как первые снежные пушинки посыпались с неба.

— Плохо, — сказал Ток, — зима нынче ранняя будет.

И больше ничего не сказал до самого перевала. Но по его встревоженному лицу Коля понял, что неожиданный снег доставит им хлопот.

Захлопали бичи, помчались

всадники из конца в конец отары, подгоняя её. Шутка ли — тысяча овец пропадёт, если не управиться с ней вовремя! Эх, так и есть, самое страшное пришло — ветер... Вот он тоненько завыл, потом вдали, за спиной, поднял кучу снежной пыли... Сейчас нарастёт его сила, догонит

отару на перевале и сдунет в пропасть... Коля знает, какой здесь бывает ветер: могучие деревья выворачивает с корнем, камни поднимает к облакам...

Щёлкают бичи, несётся в ужасе отара. И туман, белый плотный туман, уже закрывает перед ней дорогу. Эх, Коля Муйтуев, сын старого Тока, брат отважного Петра, неужели ничего не сделаешь ты, чтобы спасти колхозу его богатство?

Тонкий голос прорезал вой надвигающейся бури:

— То-о-ок! Оте-ец! Я буду впереди!

Верный конь, верный конь, только не сдайся, не оступись в этой белой мгле... Вперёд, вперёд!.. Спасибо, конь, вот головная кучка овец сгрудилась в ужасе, ещё секунда — и ринется сослепу в пропасть... Вот я прогнал их снова на дорогу, держу бичом, как раз посередине... Вперёд! Вперёд! Вся отара устремилась за мной, я этого не вижу, я слышу... А старый Ток там, сзади, он не оставит на пути ни одного ягнёнка... Вперёд, вперёд!

Так мчались они к перевалу, так достигли его и с ходу скатились в ущелье. Здесь было сравнительно тихо, но ранний снег уже замесил глубокую грязь. Отара шла по брюхо в грязи, но шла вперёд, обрадованно бляя. Колин конь заржал весело, но тут же поскользнулся, и Коля полетел через его голову. Вы-

бравшись из грязи, мальчик услышал, как кричит ему сзади старый Ток:

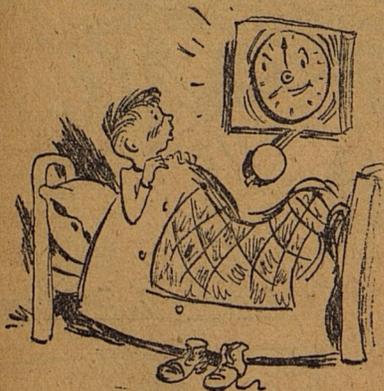
— Теперь хорошо! Теперь мы уже дома!

О-лѐ-лѐ! Где ты, орѐл, что удивлялся моей летней песне? Ничего, что я чумазый, ничего, что потерял шапку, зато мы уже дома, и весь колхоз вышел нас встречать, и уже Пётр здороваётся со мной как с равным... О-лѐ-лѐ, а вот и ребята из школы, весь совет дружины обнимает меня, галстуки свои измазали. «Ничего, постираем!» — кричат и смеются. И я кричу что-то и смеюсь. О-лѐ-лѐ, орѐл, слышишь, как я смеюсь? Вся отара спасена, а это что-нибудь да значит!..

Почётной грамотой наградил колхоз имени XXI партсъезда, что на Алтае в селе Кайсым, пионера Муйтуева.

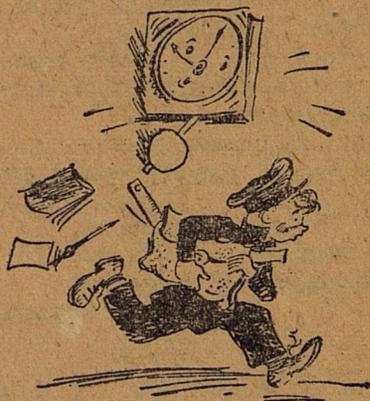
ВОТ и ночь расхрабрилась: выбралась к нам из-за Медведь-горы. Догорает наш костёр. И море стихло — устало, наверно, шуметь за день. В общем, спать пора. Завтра новые слётовские дела, споры, размышления... И открытия, наверно. Может быть, вон у той белобрысой девчонки, что козой понеслась вверх по ступенькам, к артековской даче, тоже за спиной какое-то отважное дело. Очень возможно. Только за мной ничего геройского нет... За мной нет, а, может, впереди есть? Может, если шагать, шагать, думать, стремиться — и придёшь к нему, к подвигу? Наверное, если очень хочешь — непременно придёшь...

УТРО НАЧИНАЕТСЯ

Светланы!
Тони!
Сони!
Тик-так! Тик-так! Тик-так!
Довольно спать, засони!
Вот так!
Вот так!
Степаны!
Мити!
Вити!
Тик-так! Тик-так! Тик-так!
Уроков не проспите!
Вот так!
Тик-так!

Глядят часы со стенки,
Ползут по кругу стрелки
И маятник качается.
Показывают стрелки,
Что утро начинается!
Стучи сильнее,
Маятник!
Вот так:
Тик-так!
Буди быстрее
Маленьких!
Вот так:
Тик-так!

Э. Островская

БЫЛ БЫ ПАРЕНЬ — ХОТЬ КУДА!

Знает он про всё на свете:
О футболе,
О балете,
Где зимуют куропатки,
Сколько в мире пауков...
Он положит на лопатки
Знаменитых знатоков!

Если б он заданье на дом
Знал хотя бы иногда —
Был бы парень просто
кладом,
Был бы парень — хоть
куда!

М. Романов

Рисунки В. Завьялова

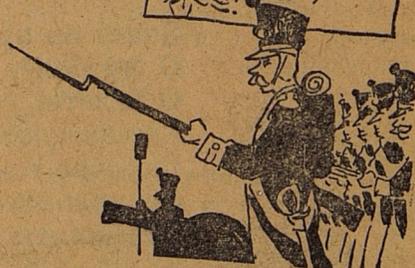
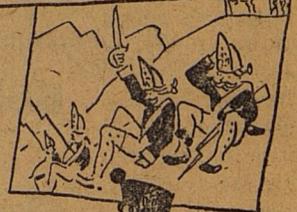
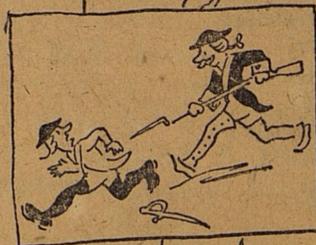
Таков закон:

в веках нетленны
Героя славные дела.
Багром он стаскивал с седла
Тевтонских рыцарей надменных,
Гнал шведа,
Лез на Чёртов мост —
В мороз, в пургу — смертям
навстречу.

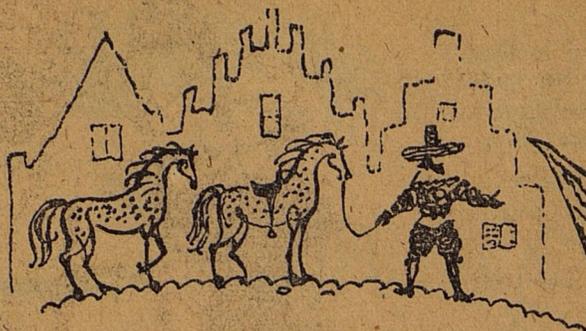
На Бородинском поле
В рост
Вставал под вражеской
картечью.

* * *

Россия помнит всё как было,
Когда решил Наполеон,
Кровавой славой опьянён,
В просторы наши двинуть силу.
Идут... Им нет конца и края —
Войскам Мюрата и Даву.
Стальная гвардия сметает
Всё на пути своём в Москву.
Неумолима, как стихия,
Неколебима, как стена...
Нет, не забудется в России
Великий день Бородина!
Тот самый день, когда французов,
Лихих прославленных вояк,
Бил по-суворовски Кутузов,
Собрав всю армию в кулак.
Тот день, когда семьсот орудий
Ревели в огненной пыли,
Когда земли российской люди
Смерть отступленью предпочли.
Отвага множится на силу:
Покуда жив — солдат в строю.
Коль руку правую пробило —
Он левой действует в бою.

В рядах залатывая бреша,
Француз познал, судьбу кляня,
Багратионовские флеша,
Редуты русского огня!
И разом все смешались планы.
Ещё не веря в близкий крах,

ЧЁРНЫЙ ПРИНЦ

ЧУДНАЯ эта Надька. Какая-то неожиданная. Молчит, молчит, словно мечтает о чём-то, а то вдруг такой вопросик задаст, что и не поймёшь сразу: шутит она или взаправду? Да если бы только вопросы задавала! А то ведь такое надумает!..

— Какие, по-твоему, самые лучшие цветы? Самые-самые красивые в мире?

Костя только плечами пожал. Никогда он не задумывался над этим. Но Надя стояла рядом, прямо посреди дороги, и, покачивая портфелем, настоятельно требовала ответа:

— Ага, не знаешь? Тюльпаны! А знаешь, сколько стоил тюльпан «Чёрный принц»?

Костя опять пожал плечами. Какой там ещё «принц»?

— Одна луковица «Чёрного принца» стоила дороже пары коней! — торжествуя, воскликнула Надя. — Здорово?

Вообще-то, конечно, здорово. Цветок дороже двух коней! Наверно, дьявольски красивый! Или очень редкий!..

— Имей в виду, — продолжала Надя, — в Голландии выращивает тюльпаны каждый пятый человек. И едут оттуда тюльпаны во все концы земли. И не как-нибудь — на самолётах! Во! — она сверкнула глазами.

Костя присвистнул и покачал головой:

— Мощно! А ты откуда всё это?..

Надя остановилась, прислонила портфель к мокрому забору и, щёлкнув замком, вытащила книжечку в пёстрой обложке.

— «Тюльпаны», — прочёл заголовок Костя.

Возле Надиной калитки ребята, как всегда, остановились. Костя, длинный, угловатый; всё ещё вертел в ру-

гах книжечку. Надя рядом с Костей казалась совсем маленькой.

Снова погрузившись в какие-то свои думы, она молча смотрела вдоль размокшей осенней дороги. Дорога тянулась далеко, до реки. Там она перебиралась через плохонький деревянный мост и уходила на окраину. Точнее — на бывшую окраину.

В последние годы городок, в котором жили Надя и Костя, сильно раздался. Возле нового завода на окраине выросли целые кварталы домов, протянулись широкие проспекты.

Долго молчать Надя тоже не умела:

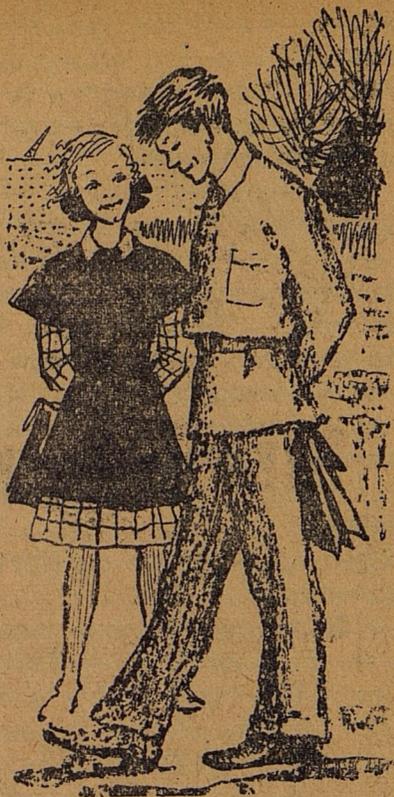
— Посадить бы тюльпаны! Везде, везде! На всех улицах и переулках! Представляешь? Возле одного дома — тюльпаны алые, как флаги. Возле другого — желтые, огромные! А вдоль тротуаров — тоже тюльпаны: сиреневые, розовые, лиловые, белые...

— А на самом видном месте «Чёрный принц»! — перебил Костя.

— И ничего смешного. — Надя сердито хлопнула калиткой.

«Чудная! — усмехнулся Костя. — Заладила: тюльпаны, тюльпаны...»

Дома он полистал пёструю книжечку. Любопытно! Костя никогда и не предполагал, что цветами можно заниматься всерьёз. Оказывается, в Голландии есть прямо-таки цветочные фабрики! Там в земле даже прокладывают

отопительные трубы, чтобы цветы не зябли. И автомашины специальные есть: фургоны для перевозки цветов. Тут Костя оживился. Но, к сожалению, о фургонах была лишь одна строчка.

Утром, на пути в школу, Костя вернул девочке книжечку. Снисходительно пробурчал:

— Забавно!

Потом добавил:

— Но, в общем, чепушенция...

Надя обиженно молчала. Почти не разговаривая, они дошли до школы. На переменках не встречались. Домой опять возвращались вместе.

Молча шли разбитой, в ухабах и колдобинах, доро-

гой, где тянулись такие глубокие колеи, что было непонятно, как выбирается из этих борозд машина, если надо вдруг свернуть.

«Намается водитель», — сочувственно думал Костя.

— А всё-таки тюльпаны — это замечательно, — вздохнула Надя. — Знаешь, когда человек живёт среди цветов, он словно светлеет. Да, да! И не спорь! — повернулась она к Косте. — Не спорь! В вопросах красоты вы, мальчишки, слабы.

Она посмотрела на Костю. Тот молчал.

— В общем, я уже решила, — сказала Надя. — Твёрдо и окончательно. Устрою маленькую плантацию тюльпанов. И буду всем знакомым, соседям — кто ни попросит — давать луковицы. У соседей тоже вырастут цветы. И они тоже будут раздавать луковицы. Так, постепенно, весь наш городок покроется тюльпанами...

— А где ты устроишь эту... плантацию? — спросил Костя.

— На огороде. Попрошу маму, пусть отрежет мне кусок земли. Маленький. Самый плохой — песчаный. А тюльпаны как раз любят песок. Ну?

— Что, «ну»? — не понял Костя.

— Будешь мне помогать?

Костя неопределённо пожал плечами.

— Вот и хорошо, — отрезала Надя. — Значит, будешь. Первым делом надо срочно достать луковицы...

Так Костя, неожиданно для себя, стал плантатором! Больше того — членом тайного общества «Чёрный принц»! Надя настояла, чтобы пока всё делалось тайно. А то ещё не получится, и ребята засмеют.

Костя молча кивал головой.

Надя сразу же взялась за дело. Начала с земли.

Дома всем хозяйством управляла Надина мать Прасковья Федотовна: дородная, властная, с громким мужским голосом. Свой бревенчатый дом она содержала в образцовом порядке, и старый домишко всегда сверкал свежей краской снаружи и внутри. Три комнаты были обставлены добротной мебелью. Центральное место занимал сундук: большой, окованный железными полосами, с навесным «пудовым» замком. Ключ от него Прасковья Федотовна носила с собой. В этот громоздкий, массивный, как скала, сундук, доставшийся ей по наследству, складывала она самые ценные вещи: отрезы, шали, новые туфли, пальто. Как заводилась в доме «деньга» — мать шла в магазин и покупала что-нибудь прочное, ноское. И упрятывала в сундук.

— Для тебя всё, — часто говорила она Наде. — Всё тебе достанется!

Главной заботой матери был огород. Большой, всегда тщательно возделанный, с мягкой, как пух, землёй. Использовался он по-хозяйски, весь, до последнего вершка.

Снего семья получала овощи на всю зиму. А часть их ещё оставалась и шла на базар.

Атаку на мать Надя начала вечером; нарочно, когда отец был дома.

— Ещё чего?! — сердито загромычала Прасковья Федотовна. — Земли ей! Цветочки, милая, это баловство, пустая забава. А земляца — она хлеб, овощ должна родить, кормить человека.

— Да мне же маленький кусочек! Ну самый завалыщий! Хоть возле забора, — молила Надя. — Там же песок...

— Под твои тюльпанчики-одуванчики и песка жалко! — гремела мать.

Но Надя перетянула на свою сторону отца, и в конце концов, общими усилиями, клочок земли был получен.

Добыть луковицы оказалось проще: Костя подговорил своего знакомого шофёра, чтобы тот, будучи в Казани, зашёл в цветочный магазин.

Одно только смущало ребят: сколько стоят луковицы? Крепко запомнилась им цена «Чёрного принца». Шуточки — дороже пары коней! Ну это, правда, особый, редкий экземпляр. И было это давным-давно, лет триста назад...

Надя дала шофёру три рубля. Прижимистая Прасковья Федотовна для дочки не скупилась, и Надя деньги собрала за неделю, беря у матери то «на кино», то «на ленты», то «на завтрак».

Костя добавил свои восемьдесят копеек.

С нетерпением ожидала Надя возвращения машины из рейса.

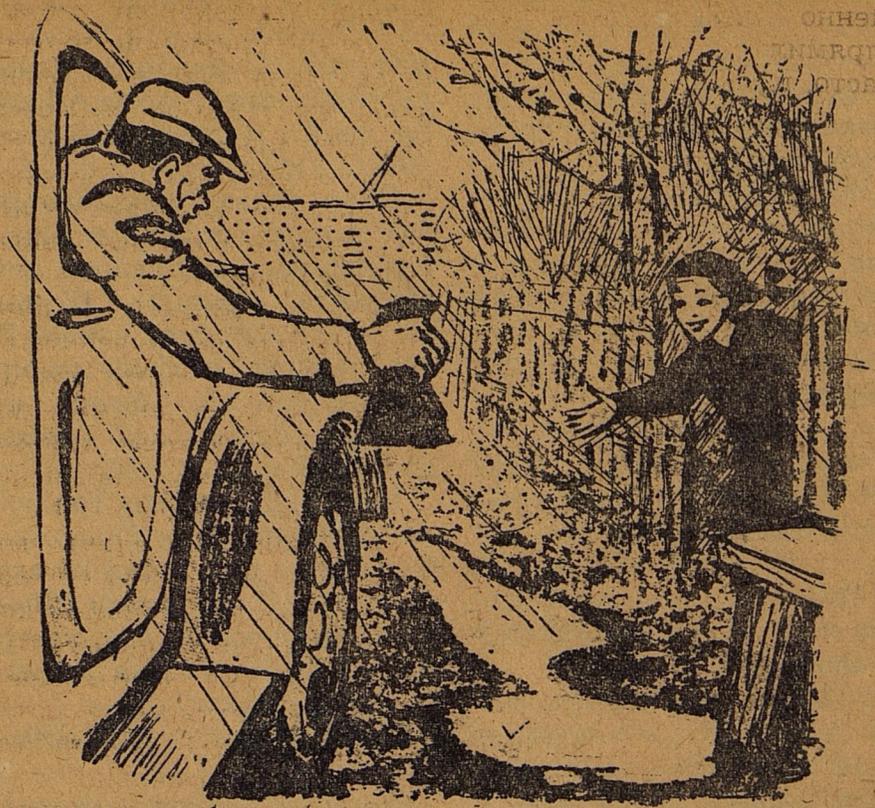
Шофёр — разбитной, рябой парень, — не вылезая из машины, пронзительными гудками вызвал девочку на улицу.

— Держи сокровище! — и бросил на лавку у забора маленький, испачканный тавотом, мешочек.

— Осторожно! — вскрикнула Надя.

— Ничего! Не хрустальные! — Шофёр помахал рукой и укатил.

Надя, волнуясь, перебирала луковочки. Были они подсушенные, аккуратные, очень похожие на всем известный репчатый лук, только коричневые и притом маленькие,

не крупнее голубиногo яйца.

Нет, это, конечно, не «Чёрный принц». Самые обычные «махровые ранние». Но, как потом выяснилось, в магазине шофёра заверили, что и эти тюльпаны очень красивые.

«Ну, теперь за дело!» — скомандовала себе девочка.

Землю, как советовали в книжке, хорошенько удобрили суперфосфатом и костяной мукой. Сделали грядки: три коротеньких, ровных, похожих на перевернутые корыта, холмика. Луковицы аккуратно зарыли в мягкую, влажную землю.

— Хорошо бы две-три тачки мелкого торфа, — вздох-

нула Надя. — Вон тут написано... Только — где взять?

— Достану, — буркнул Костя.

Назавтра прикатил он пять тачек. Слоем торфа укутали грядки.

— Вместо одеяла, — улыбнулась Надя. — Пусть зимой не зябнут.

Теперь оставалось лишь терпеливо ждать.

ЗИМА в том году была ранняя и долгая. Но вот снег побурел, стал ноздреватым, как сыр, а потом как-то незаметно совсем исчез.

Ростки тюльпанов пробились из влажной земли, быстро стали набирать силу. По-

степенно они вытянулись, распрямились.

Часто, шагая из школы домой, Надя с Костей говорили о своих тюльпанах. Впрочем, говорила главным образом Надя; Костя молчал и лишь изредка поддакивал.

— Знаешь что? — однажды возбуждённо сказала Надя. — Мы и всё шоссе до Неремшанска усадим тюльпанами. Вот будет красота! Представляешь? По обеим обочинам — сплошь цветы. Будто и не шоссе, а один длиннющий газон! Здорово? Ну признайся, здорово?

— Здорово! — согласился Костя. — Только... Ведь уйму луковиц надо! Десятки тысяч! И возни сколько...

— Так мы же не сразу! В одну осень немного, в другую — ещё немного, и в третью. А ребята из Неремшанска увидят наши тюльпаны, думаешь, не загорятся? Ещё как! Начнут из своего городка нам навстречу обсаживать дорогу. А где-нибудь в середине мы сойдёмся.

Костя кивнул. Фантазёрка Надя. Факт! Но интересно... А ехать по такой дороге — просто удовольствие. И пахнуть от шофёра будет не бензином, а цветами! Костя на миг представил себе такого благоухающего шофёра и усмехнулся.

«Скорей бы зацвели тюльпаны!» — мечтала Надя.

В книжке было написано, что цветут они во второй половине мая.

И вот наступил май. Сте-

бельки тюльпанов стояли стройные, гордо выпрямившись. Надя чуть не каждый день осматривала их. Красивые стебельки. И крепкие. Но, к сожалению, без бутончиков. Сколько ни глядели ребята, обнаружить будущие цветки не удавалось.

Шли дни. Вот уже и конец мая. Надя волновалась: тюльпаны так и не зацвели. Девочка ещё раз внимательно перечитала пёструю книжечку с мудрёным латинским словом на обложке.

— Шляпы! — вдруг воскликнула она. — Мы с тобой, Костя, просто шляпы! Луковки ведь были мелкие. Это — детки. А тут ясно сказано: луковицы-детки зацветают на второй или на третий год. Значит, всё нормально.

Ждать целый год! А может, даже два!..

— Ничего! — горячо твердила Надя. — Зато потом! Такая прелесть будет — глаз не оторвёшь!

В школе наступили горячие деньки: конец года. Все волновались, суетились. На контрольные работы и ребята и педагоги приходили торжественные, принаряженные, как на праздник. Наде контрольные давались легко, а Костя пыхтел, засиживался до полуночи.

— Но всё же вытягиваю, — говорил он. — Не буксую.

Как-то Костя, по пути в школу, зашёл за Надей.

— Видал?! — сказала ему Прасковья Федотовна.

Только что она кончила

подшивать подол нового Надиного платья — было оно чуть длинновато — и теперь стояла, сложив руки на груди, любуясь дочкой. А Надя крутилась перед зеркалом в новом шерстяном платье, синем с белым воротничком. Оно очень шло ей: девочка в нём выглядела почти взрослой.

— Мощный туалет! — сказал Костя.

— То-то! — Прасковья Федотовна гордо вскинула подбородок, пристально оглядела Костю. Паренёк нравился ей: спокойный, рассудительный, не балаболка какая-нибудь и не хулиган.

— Мне что? — продолжала Прасковья Федотовна. — Мне уж ничего в жизни не надо. Спозаранку на огороде землю ворочаю. Для кого? Для дочки. Судачат вот — зачем яблоки на базаре продаю? Ну, продаю. А опять же — для кого? Для неё...

Костя смущённо топтался у порога. А когда они с Надей вышли из дому, сказал:

— Ну и мамаша у тебя!.. Тяжело, поди, с ней?

Надя кивнула, отвернулась.

Вечером Костя с Надей возвращались из школы. Ребята задержались и теперь шагали быстро: оба хотели есть. И всё же у калитки Надя сказала:

— Зайдём? На одну минутку! Посмотрим, как там наши тюльпанчики.

Они торопливо прошли в огород. Вокруг уже всё зеле-

нело: и кусты смородины, и яблони, и грядки. Быстро прошмыгнули к забору. Вот и «плантация».

Что такое?.. Тонких, гордых стебельков не было. Все три грядки чернели свежевскопанной землёй...

— Ой! — Надя, бросив портфель, метнулась к зелёному холмику в углу, возле забора. Что-то закричала, опустилась на колени, стала быстро перебирать груды зелёных листков, веточек.

Это и были тюльпаны. Искромсанные, перерубленные лопатой...

Надя вскочила. Ни слова не говоря, бросилась к дому. Костя — за ней. Вдвоём они ворвались в кухню.

Прасковья Федотовна раскатывала тесто на столе.

— Мама! Это ты? Ты?! — крикнула Надя, трясая перед её лицом зелёным пучком.

— Ошалела? — Прасковья Федотовна повернулась к дочке. — Что орёшь?

— Это ты? Ты?! — яростно повторяла Надя.

— Ну, я! Чего взбеленилась-то? — Мать положила скалку, вытерла руки тряпкой. — Всё одно ведь ваши одуванчики не цветут. Баловство одно. А земля-то прогуливает...

Надя опустилась на табурет.

— А я намеренна на рынке была, — продолжала мать. — Редис в цене. Вот я и обмозговала: чем эти цветочки, лучше редис...

Надя, закрыв лицо руками, заплакала.

— Ну чего ты, дурёха? Ну чего? — утешала мать. — Ведь для тебя же. Всё для тебя. Вырастим редис, продадим, тебе же обнову справим. Почище этого, — дотронулась она до Надиного платья. Заметив, что на коленях оно выпачкано землёй, осторожно отряхнула.

— Уйди! — вскочила Надя. Глаза её сверкали. — Не нужны мне твои платья! Не нужны! — Она так рванула на себе ворот, что перламутровая пуговка отлетела и покатилась по полу.

— Вот! — Прасковья Федотовна повернулась к Косте. — Видишь, как детей-то растить? Всё для неё. А она...

Не отвечая, Костя шагнул в сени.

Надю он нашёл на «плантации». Девочка стояла возле зелёного холмика. Заплаканное лицо её осунулось, поседело.

— Ну не надо, — сказал Костя, осторожно положив руку ей на плечо. — Ну чего уж... Попрошу Мишку-шофёра. Он опять луковиц привезёт. И знаешь? Возле школы посадим! Все ребята будут следить. Ещё и лучше. И «Чёрного принца» вырастим. Точно.

Надя молчала. Хороший парень Костя. Настоящий друг. Но вот не понимает... Жаль, конечно, тюльпанов. Да разве только в них дело?

Она так мечтала... И вот, пожалуйста! И кто? Мать! Мать своими жадными руками.

Надя снова заплакала.

— Ну не надо... Не надо, — Косте никогда ещё не приходилось утешать девочек. По Надиному лицу текли слёзы. Костя достал из кармана платок, хотел вытереть, но в последний момент оробел.

— Ну не надо, — повторял он. — Не надо...

✱

Пусть это будет подвигом моим

Сегодня мне исполнилось пятнадцать,
Я знаю, что такие вот сыны
С врагами в бой без страха шли

сражаться

И не вернулись многие с войны.
Но я живу совсем в другое время,
Не испытал ни горя, ни тревог.
И вам признаюсь: очень сожалею,
Что подвига свершить тогда не мог!
Что ж делать мне? Учиться и учиться!
Учиться так, как Ленин нас учил!

Чтоб Родина могла бы мной гордиться,
Чтоб вырос из меня достойный сын.
Учиться буду!

А потом Отчизне

Я пользу принесу трудом своим.
Такую цель преследую я в жизни, —
Пусть это будет подвигом моим!

Володя КИЧИГИН,
Котельская школа
Кингисеппского района

ХОРОШО!

Слова С. Беликова
и Л. Шишко

Музыка М. Феркельмана

В темпе марша

1 Хо-ро-шо голубей в высо-ту запускать прямо

яркому солнцу навстре-чу. Хоро-шо у костра поси-

-деть, помечтать над ре.кой в тихий ласковыи ве-чер.

Привет:

Ро-дина безбрежна-я, лю-бим тебя

неж-но мы. Нам с тобой дружить хорошо и

The musical score is written on ten staves. The first two staves are the piano introduction. The next four staves contain the vocal melody with lyrics. The final four staves continue the piano accompaniment. The score includes various musical notations such as treble and bass clefs, notes, rests, and dynamic markings like 'f' and 'mf'. There are also some performance instructions like '8...' and '3'.

Катя Глазкова

СТОИТ Дуня у станка. Работает — а слёзы кап да кап...

Подошли подружки:

— Что с тобой, Дуняша? Станок разладился?

— Нет, — отвечает, — не разладился. Прядёт, нитку не рвёт.

— Может, руки с непривычки болят?

— Нет, — отвечает, — размялись руки. Уже план перевыполняю.

— Дунька, так тебе петь да радоваться! А у тебя глаза красные. Признавайся, почему плачешь?

А был День Победы. Всюду флаги, цветы, счастливые лица людей. Тут и всплакнула Дуня над своим одиночеством.

Призналась подружкам, что она на всём свете одна.

— Папа и мама, — говорит, — погибли, защищая от фашистов Ленинград. А меня с братиком разлучили...

Подружки в один голос:

— Как так разлучили? Кто посмел обидеть сирот?

А дело было вот как. Пришёл в осаждённый Ленинград

приказ — всех ребятишек вывезти в тыл. Дуняша помнит себя в вагоне поезда. Вокруг грохот, всё опрокинулось, полетело кувырком...

Кричат: «Воздушный налёт! В паровоз попала бомба!» Перепуганную девочку увели с места крушения за руку. А Серёжа, хотя он и постарше сестрёнки был, идти не смог. Его унесли раненого...

Подружки посоветовались и говорят:

— Напиши брату. Сегодня же. Где он живёт?

— Нет у меня брата...

А подружки:

— Откуда ты знаешь? Может, его спасли. Напиши в Ленинград.

Дуня как разревётся:

— Оставьте меня, оставьте! Я самая несчастная на свете. Даже не помню, какая у нашей семьи фамилия...

Подружки — в изумлении:

— Забыла свою фамилию?.. Да уж не больна ли ты? Ну, повторяй за нами: «Смородина, моя фамилия — Смородина...»

Дуня только печально усмехнулась:

— Вы, девушки, меня не поняли. Да, я Смородина. Только фамилия-то моя из-под ягодного куста!

И Дуня рассказала, что после крушения поезда её, совсем крошечную девочку, привезли на Урал и поместили в ясли.

А при яслях был ягодный сад. И однажды Дуня, спрятавшись под кустом, объелась смородины.

Всю ночь корчилась от боли. Всю ночь ставили ей грелки на живот. После этого ребятишки давай дразниться: «Дуня-смородина! Кислая смородина!» А заведующая яслями подошла и говорит: «Ну вот, девочка, ты себе и фамилию нашла. Так и запишем в документы: Евдокия Смородина».

Выслушали подружки Дуни рассказ. Покачали головами:

— Значит, брат у тебя не Смородин. Ясно. Серёжа с неизвестной фамилией... Плохо, милочка, твоё дело! Не найти тебе брата.

Дуня сердито отвернулась.

— Уходите, — говорит, — оставьте меня!

Опять стоит у станка, работает. Тонкую нитку прядёт.

А слёзы кап да кап...

Жалко стало подружкам сироту.

Когда прогудел на фабрике гудок и окончилась работа, девушки уединились в красном уголке.

Сочинили письмо. А на конверте написали: «Город Ленинград. Самому лучшему ленинградскому почтальону».

— **КАТЯ ГЛАЗКОВА!** — звал в Ленинграде на-

чальник почты. — Вот получено для тебя письмо с Урала.

Катя удивилась. На Урале у неё ни родных, ни знакомых.

А начальник говорит:

— Всё равно, это тебе письмо. Ты у нас на Доске почёта, ты лучший в Ленинграде почтальон.

Катя распечатала письмо, прочитала — и рассмеялась:

«Вот чудачки! Разыщи им Серёжу — а фамилии не говорят. Я же не фокусник!»

Сунула письмо в карман. И только вечером, после работы, о нём вспомнила.

Поужинала, отдохнула — и села перечитывать.

Теперь Катя уже не смеялась. Очень ей захотелось помочь Дуняше.

Но Ленинград — город огромный. Несколько миллионов жителей. Серёжей в нём видимо-невидимо.

Задумалась Катя: «Который же из них?.. Даже отчества нет. Неужели не знают?» — И она дала телеграмму на Урал.

В ответ пришло новое письмо.

Опять от Дуниных подружек.

Это было весёлое письмо. Девушки на фабрике, видать, боевые!

«Наша Дуня, — писали они, — Евдокия Максимовна. А брат, — по её словам, — Сергей Максимович... Но как верить на слово девчонке, которая ухитрилась забыть свою фамилию? «Докажи, — говорим, — что вы с братом Максимовичи».

Дальше в письме говори-

лось, что Дуня повела всех к себе в общежитие, раскрыла чемодан и достала обгоревшую тряпочку.

Это была метка, когда-то пришитая к платьицу ребёнка. С этой меткой Дуню вывезли из Ленинграда. А тут крушение, пожар...

Была полная надпись химическим карандашом: имя, отчество, фамилия ребёнка. А уцелело только: «Евдокия Максимовна».

Но девушки на фабрике дошны!

Разглядывая тряпочку, они вдруг обнаружили, что фамилия выгорела не полностью.

— Дунька! — закричали подружки. — Где же были твои глаза! Твоя фамилия с буквы «Б» начинается!

— Знаю, видела, — сказала Дуня. — Но одна буква — ещё не фамилия. Назвали меня Смородиной — Смородиной и останусь.

Подружки согласились, что фамилию теперь менять нечего.

А про букву «Б» сообщили в Ленинград.

ПОЧТАЛЬОН ГЛАЗКОВА! — сказал начальник почты. — Опять тебе письмо с Урала. Ну как, надеешься разыскать этого загадочного Серёжу?

— Сейчас скажу, — и Катя быстро прочитала письмо.

«Отчество Серёжи — Максимович... Фамилия начинается с буквы «Б»...

Катя так обрадовалась но-

вым сообщениям, что тут же пообещала начальнику:

— Разыщу его. Честное комсомольское!

«Ай да уральские девчонки! — ликовала Катя. — Вот молодцы! Откопали начало Серёжиной фамилии... Теперь в адресный стол...»

Но заявку у Кати не приняли. Сказали из окошка:

— Товарищ Глазкова, вы опытный почтальон и знаете наши порядки. Надо написать полную фамилию.

Конечно, Катя знала порядки. Но к букве «Б» ничего прибавить не могла... А Дуня ждёт. Надеется, что ей разыщут брата.

Всё это Катя рассказала у окошка.

Сотрудница адресного стола в раздумье молчала.

— Наконец, — ведь мы ленинградцы! — сказала Катя. — Сами пострадались. Кому же, как не нам, понять сироту!

Сотрудница не спорила. Только сказала:

— А знаете, сколько у нас карточек на букву «Б»?.. Их за год не перебрать.

Катя сказала храбро:

— Я бы сама... Можно?

— Нет, к нам посторонним нельзя.

— Но тогда помогите же! — потребовала Катя.

А как помочь? Сотрудницы адресного стола весь день заняты.

Оставаться после работы? Это запрещено. Зал опечатывают. У двери ветаёт часовой.

Так и ушла Катя ни с чем.

Ах, комсомольское слово,

комсомольское слово!.. Сгоряча обронила его девушка — и лишилась покоя. Ночей не спит, мучается: «Как сдержать слово, как выполнить?»

Прошло несколько дней.

Звонок по телефону: «Почтадьона Глазкову в адресный стол!»

У окошка Катю встретили все сотрудницы. Улыбаются:

— Ты, Катя, не думай о нас худого. Решили перебирать карточки — знаешь, когда? В обеденный перерыв... Вот, по-лучай для начала!

Какая радость — у Кати в руках три адресных листка! «Сергей Максимович... Сергей Максимович... Сергей Макси-мович...» — и все фамилии на «Б».

Катя в этот день чуть ли не бегом разносила почту.

А когда опустела сумка, да-же домой не зашла. Даже не поужинала. Так не терпелось пуститься на поиски Сергея...

Приехала по первому адре-су. Здесь проживает Бабкин.

«Он или не он?..»

Катя глядела на кнопку звонка, не ре-шаясь к ней прикоснуться.

Наконец со-бралась с ду-хом — и позво-нила.

В квартире за ша р ка ли туфлями.

В переднюю вышел стари-чок:

— С праши-

ваете Сергея Максимовича? Это я, к вашим услугам!

Катя смути-лась, пробормотала извинения — и за дверь. «Какой же это брат Дуняше — он ей в дедушки годится!»

Метро прикатило Катю на другой конец города.

Новенький дом. На лестнице ещё пахнет краской.

Ступени — как белые пастил-ки. Такие аккуратненькие, что жалко ногой наступить.

Катя пошла наверх на цы-почках.

Позвонила. Спросила Сер-гея Максимовича Бибикова.

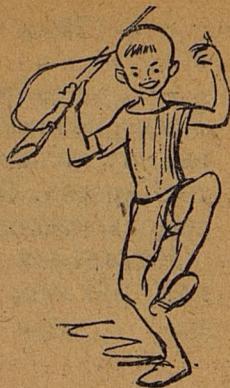
В переднюю влетел мальчик.

— Я Сергей, я Максимович, я Бибиков! — объявил он, пры-гая на одной ноге. И вдруг прицелился в Катю из дере-вянного ружья: — А вы кто та-кая? Ни с места!

У пленницы в кармане на-шлась карамелька, и она суме-ла откупиться. А выйдя на пло-щадку, с огорчением подумала: «Что это с адресным сто-лом? Стариков дают, малы-шей... Неужели трудно дога-даться, что Сергей Б. сейчас взрослый молодой человек?»

Нет, ничего не получается у сотрудниц адресного стола. Урывками, в обеденный пере-рыв, — это не работа!

По третьему адресу Катя не поехала. Отложила на другой раз.

А наутро явилась к начальнику:

— Снимайте мой портрет с Доски почёта! — И, пряча слёзы, опустила голову. — Не найти Сергея... Я нарушила комсомольское слово!

Начальник вскочил. Замахал руками, призывая своего

Знакомый уже рассказ о поезде, фашистской бомбе, крушении...

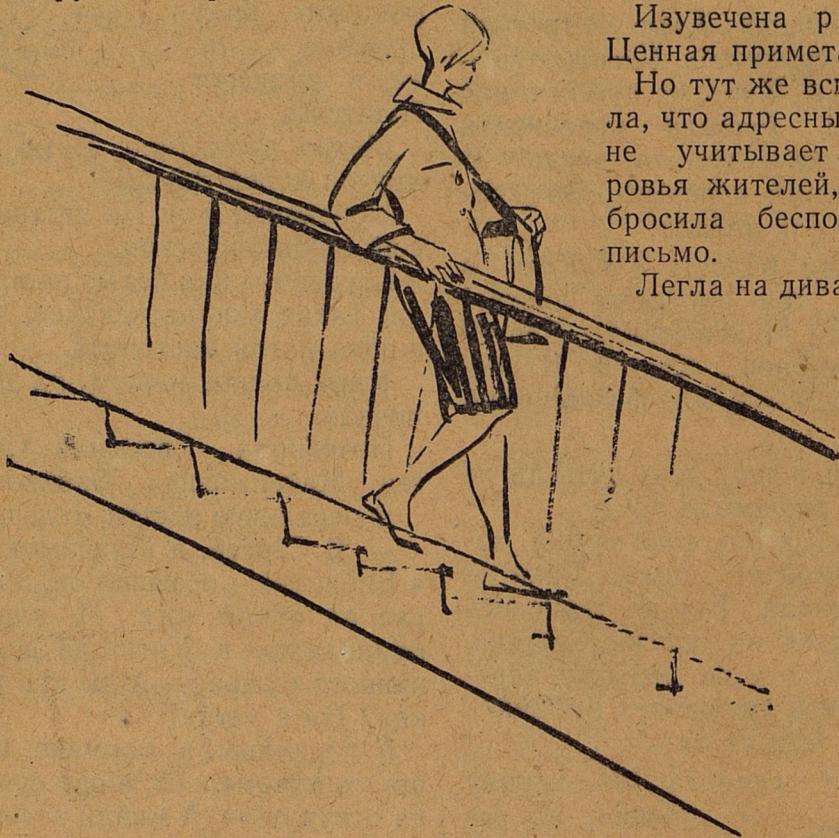
«Братец очень кричал, — писала Дуня. — Рука вся в крови и даже стала не похожей на руку...»

Глазкова перечитала это место.

Изувечена рука...
Ценная примета!

Но тут же вспомнила, что адресный стол не учитывает здоровья жителей, и отбросила бесполезное письмо.

Легла на диван. На-

лучшего почтальона одумать. Но Катя так расстроилась, что из его увещаний не поняла ни слова.

Пришла домой... На столе свежее письмо. Опять с Урала.

Лениво распечатала.

Глядит — от Евдокии Смоородиной. В первый раз Дуня написала сама.

«Эх, Дуня, Дуня, горе ты моё...» — повздыхала Катя и села читать письмо.

крыла голову подушкой...
Очень тяжело было у Кати на душе.

Вдруг встала. Разгладила лицо ладонью.

— А зачем, — спросила себя, — мне адресный стол? Нука, письмецо, полезай в карман. Обойдёмся и без адресного стола!

НА ОКРАИНЕ ЛЕНИНГРАДА, среди зелёных рощ, есть домик с колоннами.

Там дружно и шумно живёт детвора.

Катя Глазкова бывает в этом домике. Любит поиграть с ребяташками.

В свободное время помогает воспитателям.

Сюда Катя и примчалась за советом.

Вошла — и прямо в кабинет заведующей.

— Мария, — говорит, — Павловна, я разыскиваю адресата, зовут Сергеем Максимовичем, фамилия неизвестна, на букву «Б». Есть важная примета: во время войны, мальчиком, был ранен в руку... Вспомните, пожалуйста, не воспитывался ли он у вас?

Заведующая помолчала, раздумывая.

Потом положила на стол большую толстую книгу и принялась медленно её перелистывать. Она водила пальцем по

столбикам фамилий бывших воспитанников.

Толстая книга прочитана. Не нашлось в ней Серёжи, раненного в руку.

Но Катя не отступала.

— Если не у вас, — сказала она, — так может быть в других детских домах?

Заведующая села к телефону.

Когда уставала звонить — её заменяла Катя.

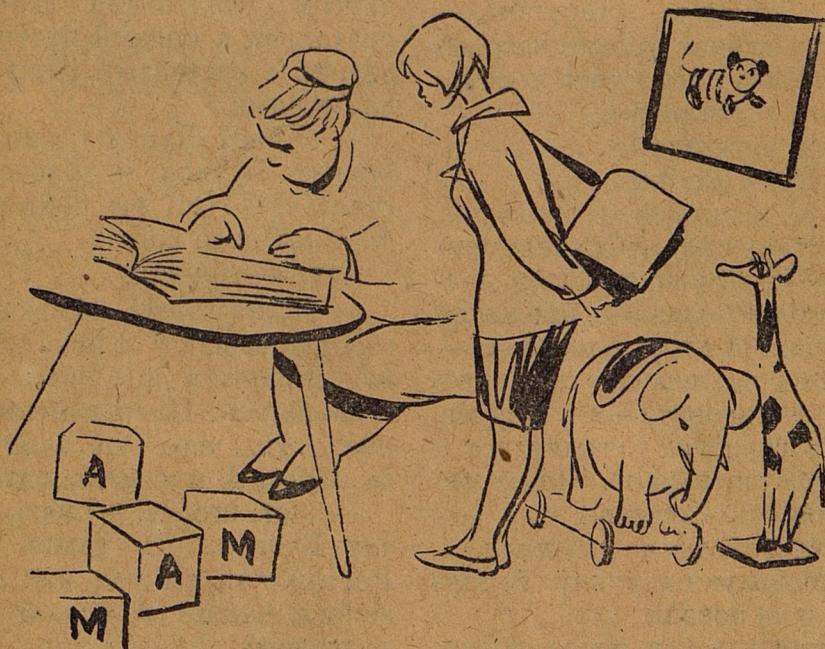
Наконец, уже поздно ночью, из трубки ответили:

— Да, был такой мальчик. Серёжа Буянов, Сергей Максимович. Только он давно уже вырос!

На другой день Глазкова отправилась в детдом, где когда-то жил Буянов.

Ей рассказали, что это был удивительный мальчик.

Писал левой рукой, — правая не действовала.

Но Серёжа твердил: «Всё равно не поддамся! Фашисты думают, что прикончили всех Буяновых. А я не поддамся. Не увидят меня калекой!» И не поддался. Он раздобыл тугой чёрный мячик. Положит его в ямку на правую ладонь — и заставляет негнувшиеся пальцы этот мячик сжимать. Вскрикнет от боли. Даже побледнеет... А потом отдышится и опять за своё. Год возится с мячиком. Другой год возится...

Добился-таки своего. Ожили пальцы! А доктора помогли окончательно вылечить руку.

...Слушала Катя, слушала — и вдруг спохватилась: «Скорее в адресный! Фамилия известна, теперь мигом выдадут справку!»

И вот Катя в квартире у Сергея Максимовича Буянова.

— Ах, ах, — всплеснула руками какая-то старушка, — доктор Буянов только что выехал. Минут бы десять пораньше — и застали бы...

Катя опешила:

— Куда же он?

— Куда, куда!.. — проворчала старушка. — Сдурел парень. Почти уже главным врачом был в больнице, вот какой умница... И вдруг бросил всё — на село, видишь ли, потянуло. «Там, — говорит, — я нужнее, чем в городе». Сегодня же с поездом и укатит. Через каких-нибудь полчаса...

Катя больше не слушала.

Выбежала на улицу. В такси — и на вокзал.

Замешалась в толпу пасса-

жиров — и только тут поняла, что сделала глупость... Который здесь Буянов? В лицо ведь не знает!

Старушку надо было прихватить в такси. Эх, не догадалась!

А возвращаться за старушкой — упустишь поезд.

Как же быть?

В это время заговорило радио: «Продолжается посадка на поезд дальнего следования номер...»

— Вот что мне поможет! — и Катя кинулась к начальнику вокзала.

Через минуту радио прогремело:

«Внимание, внимание, внимание! Обращаемся к пассажиру доктору Буянову. Сергей Максимович, у вас большая радость. Зайдите к начальнику вокзала».

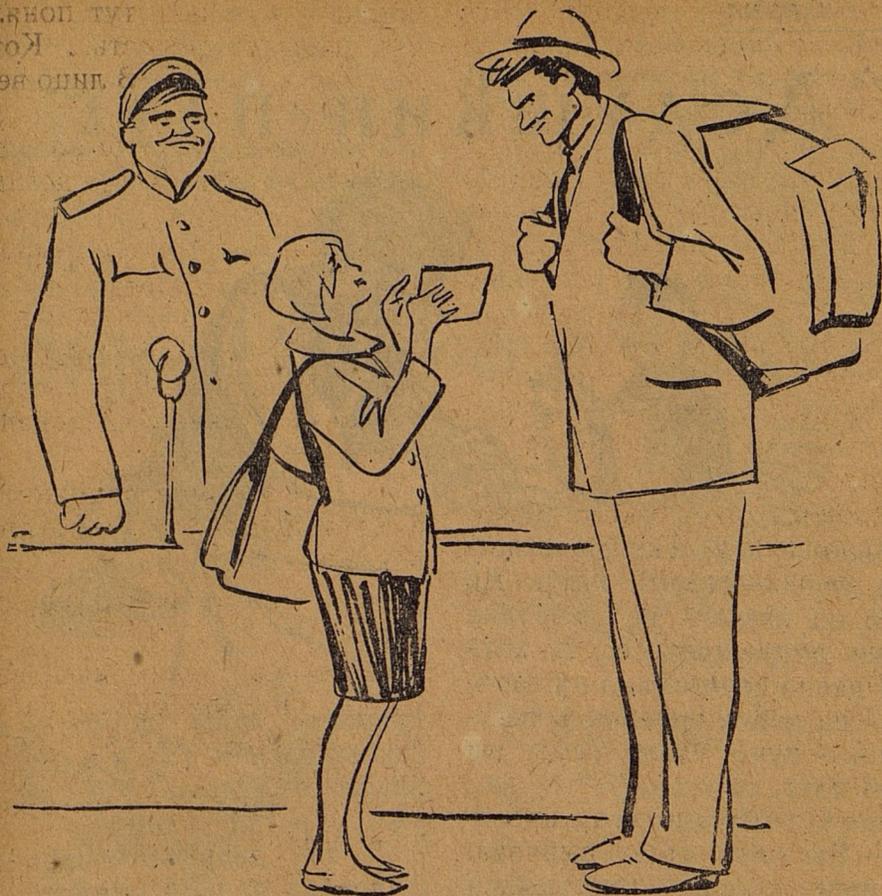
И вот они стоят друг перед другом: маленькая девушка почтальон и рослый путешественник с клетчатым рюкзаком за плечами.

— Жива? Дуняша жива? — кричит Буянов и хохочет от счастья. — Нет, вы повторите: в самом деле жива?

Катя повторяет:

— Жива, жива. Неужели я говорю неясно? Жива, здорова. Работает на Урале текстильщицей. План перевыполняет... Ну, чего ещё вам? Вот её адрес. А мне надо идти.

— Нет, стойте! — опять кричит Буянов. — А какая она? Ростом как вы или как я? А волосы какие? А глаза? Она красивая?

Катя зажимает уши:

— Откуда я знаю? Вы меня совсем оглушили. Не видела я вашей Евдокии.

Начальник вокзала догадался, пришёл Кате на выручку:

— Товарищ Буянов, вам пора. Поезд отправляется.

Стали прощаться.

— Ох, какая у вас сильная рука! — вскричала Катя, при-

седая от боли. — Как железная!

Буянов смутился:

— Простите, я не рассчитал... Это рука хирурга.

Вышли на перрон.

Поезд тронулся.

— Счастливо! — Катя помахала вслед. — Брату и сестре приятного свидания!

А сама поправила на боку сумку и побежала на работу.

Дедушкин плуг

Была у деда Панаса заветная вещь — старый плуг. До него он никому не позволял даже дотрагиваться. И хотя дед давно не выезжал на пахоту — на полях трудились тракторы, — пуще глаза берёт он свой плуг. И когда переходил в новую хату, взял его с собой.

— Вы бы ещё дырявую плошку взяли, — посмеялся Андрейкин отец.

Но дед стоял на своём:

— Всякое бывает...

Андрейка тоже про плуг:

— Дедушка, я из-за вас отстаю по сбору металлолома!

— Это почему же?

— Да нужно, чтобы все сдали непригодные железные вещи, а из них сделают тракторы. Вот и в газетах об этом пишут.

— А может, ты не только по тому... по лому отстаёшь?

Андрейка молчал.

— Ну-ну, почитай мне газету.

Делать нечего, начал читать Андрейка. Да так медленно, — пока слово вымолвит, дед за-

дремлет, пока другое — дед совсем заснёт. Так и в первом классе не читают, а Андрейка уже в третий ходит.

Когда дедушка захрапел, Андрейка поднял голову:

— Я вам лучше Петьку позову.

— Э, нет! — проснулся дед. — Читай сам.

На другой день Андрейка решил перехитрить деда: заучил заметку, просто как урок учат. И хотя очень хотелось ему выскочить во двор и показать этому мазиле Петьке, как надо по воротам бить, но остался дома: нужно дедушку агитировать, чтобы плуг в металлолом отдал. И на третий день опять читал.

И стал Андрейка читать, да так, что, пожалуй, лучший в классе отличник Лёшка и тот бы ему позавидовал. Тогда дед и говорит:

— Ну, теперь вижу — полезное это дело. Бери плуг!

— Спасибо, деда.

Когда в классе сказали, что Андрейка вышел на первое место по сбору металлолома, он ответил:

— Это не я, это дед.

А газеты всё продолжал читать, и вскоре по чтению даже пятёрки получать стал.

Перевод с украинского
А. КОРШУНОВА

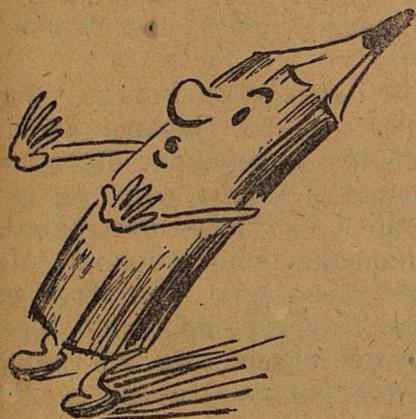
В. Орлов

Рисунки Г. Ясинского

ОНИ С ТОБОЮ В КЛАССЕ

ПЕРО

Перо работать не хотело,
Чтоб не испортить красоту.
Оно ржавело и тупело
И потеряло остроту.

КАРАНДАШ

Писать отлично
Я стараюсь,
Но для приличия
Люмаюсь.

РЕЗИНКА

Резинка всюю
На листок нажимала:
Чужие ошибки
Она исправляла.
Резинка старалась,
Бумага стиралась,
И вот от листка
Ничего не осталось.

УКАЗКА

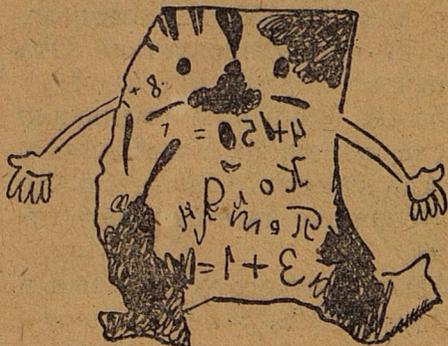
Указка сама ничего
Не поймёт,
Сама ничего не укажет,
Пока её кто-нибудь
Носом не ткнёт
И что-нибудь ей
Не подскажет.

ДОСКА

Идёт урок.
Доска старается —
Запоминает
Каждый слог.
Но всё из памяти
Стирается,
Едва кончается
Урок.

ПРОМОКАШКА

В себя я впитала
И цифры, и точки,
И трёх сочинений
Какие-то строчки,
А вот знаменитой
Меня не считают,
Меня почему-то
Совсем не читают!..

Азим, который всегда спешит

Старый Ота купил себе термос. Китайский термос, красный с жёлтым.

Ота раньше не знал, как это удобно — термос. Он купил себе термос, налил в него кипятку и насыпал зелёного чая. Красный термос он понёс с собой в поле. Он обошёл участок, осмотрел хлопок и землю, сел в тень тутовника и открыл термос. Понюхал чай и улыбнулся: вкусный чай, будто его распарили на сандале.

Солнце сушило землю, палило, как жаровня, а Ота сидел в своём стёганом халате и пил горячий чай.

Кто-то бежал вдоль арыка, бежал и поднимал пыль ногами, как жеребёнок, которому бегать одно удовольствие. Ота завинтил термос крышкой.

Белая рубашка мелькала среди тутовника. Это Азим. Он всегда спешит. Сейчас он будет спрашивать и не ждать ответа.

Азим прыгнул через арык и сел возле Оты.

— Ты запылил мне глаза! —

сказал Ота. — По такой жаре бегать — можно устать.

— Ота, сохнет хлопок! Понимаешь, сохнет, совсем завянет!

— Здесь не вянет, а у вас вянет! Ай-вай. Почему так?

— На вашем поле было два полива, а к нам вода не дошла! У нас ведь нет арыка! Какой же будет урожай? Мы рыхлили землю, как ты говорил, мы всю её прошли два раза кетменями, но всё равно хлопок сохнет. Что же делать, Ота?

— Выпей чаю.

— Я не хочу чаю, Ота. Помоги нам. Или надо насос, или бульдозер — подвести отвод канала. А мне никто в правлении не хочет дать машину.

— Никто?

— Никто!

— Ай-вай... Выпей чаю.

— Вы смеётесь над нами, Ота! Все вы смеётесь. Дали поле, а теперь...

— Ты что, хочешь плакать, дехканин?

— Не буду плакать, но ты

нарочно медлишь... Мы столько работали, столько сил потратили!

Азим уже не сидел, он ходил по сухому арыку, пинал ногами куски коричневой земли. Куски рассыпались в пыль.

— Не прыгай, не скачи перед моими глазами! Сядь...

— Мне некогда сидеть, Ота!

— Ну, тогда беги и грызи землю зубами! — рассердился Ота. — Руками рой арык!

Азим присел на корточки и посмотрел на Оту. Посмотрел-посмотрел, и вдруг прыгнул, как кузнечик, и побежал.

Ох, этот Азим! Мчится так, что может разбить коленями свой подбородок.

Ота налил чаю.

...Озида плела косички. Она решила заплести пятьдесят косичек. Озида вымыла голову кислым молоком, высушила волосы и теперь доплетала двадцать шестую косичку. Мать сказала ей утром, что она лентяйка, плетёт всего пятнадцать кос, а их в детстве били, если они плели меньше сорока. Озида решила заплести пятьдесят косичек и надеть голубую тюбетейку, вышитую серебром, надеть новое полосатое платье и бархатную безрукавку голубого цвета.

Тут Озида услышала, что кто-то подбежал к забору. Она выглянула в калитку.

— Озида, иди скорее к школе! — Азим говорил шёпотом, голос его прерывался; видно, он бежал. — Бери скорее лопату и иди.

Озида не стала спрашивать, зачем. Она схватила остав-

шуюся прядь, заплела её одной косой, завязала платок, чтобы не было видно волос, подошла быстро к сараю и спрятала черенок лопаты в рукав.

Мать стояла за занавеской в доме. Озида подошла к калитке, сказала: «Мама, меня зовут в школу!» — и бросилась бежать, пока мать, выглянув из окна, кричала:

— Зачем в школу? Куда ты?

Было лето, и мать никак не могла понять, зачем ходить в школу и пропадать там до вечера.

...Озида пришла первая во двор. У фонтана баловались маленькие ребята. Они затыкали фонтан и брызгались. Они обрызгали Озиду. Во двор вошёл Азим, совсем запарившийся Азим, и наклонился над фонтаном. Он пил, обмывал лицо, пил без конца, а потом сел прямо на землю у альчи.

Приехал Гафир на велосипеде, пришёл Сабит. Все сели вокруг, а он совсем не мог говорить от усталости. Он тяжело дышал, потом поднял голову и сказал:

— Надо рыть арык. Поле засыхает.

— Завтра? — спросил Гафир.

— Сегодня начнём. — Азим встал, смочил свою голову водой, надел тюбетейку, вздохнул. — Пошли?

— Подождём... ещё ребята придут, — сказал Гафир.

Азим крикнул малышам:

— Сидите здесь! Придут ребята, скажете: Азим зовёт в поле с лопатами.

Ребята хлопали глазами и не отвечали. Азим подумал, что бы сделать ещё. Увидел плакат на школе: «Хлопок — наше белое золото», — и оторвал от него уголок. На оторванном уголке остались слова «белое золото». Он приписал: «горит! Азим».

Он положил на край фонтана свой лозунг, и все пошли.

Малыши легли животами на фонтан и стали читать по складам, что написано.

...Тот богат, у кого есть земля и вода. Землю Азиму дали, а воды — нет. Пропахали пустыню, разборонили её, посеяли, взошёл хлопок. Был один полив, вода была большая, дошла до поля, но потом напор воды в канале спал, и Азим зря ждал второго полива: вода не дошла. Теперь скоро должны были дать воду в третий раз. Но она опять не дойдёт. О воде и мечтать нечего. Надо рыть арык.

Земля горячая, как зола, пылит в лицо, набивается в рот и в глаза. Земля мягкая. Много веков её пащут и боро-

нут. Эта ферганская земля одела в халаты и платья многих людей, и не только в Узбекистане.

Участок Азима раньше был засажен виноградом. Год назад ударила жестокая зима, виноград вымерз. Теперь землю отдали Азиму. Виноград рос без полива, хлопок — не может.

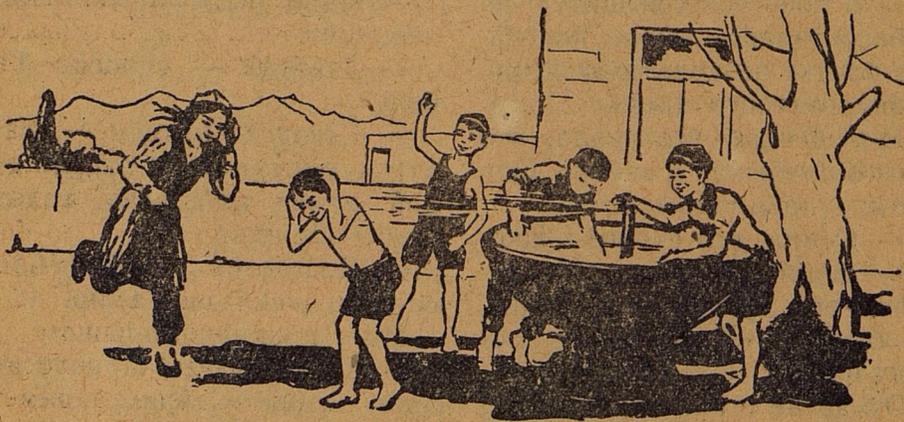
Что может сделать Азим? Ему четырнадцать лет, и он очень хочет поехать на выставку в Москву, как ездил Хамид Гафиров из Андижана, возил свою ветвистую пшеницу.

Что делать Азиму? В колхозе есть машины, но ему никто их не даст. Это раньше, когда мало школьников работало в колхозах, им помогали. Теперь много таких, кто работает, — всем машин не хватит. Есть в колхозе дела важнее.

Что же делать? Хоть беги в пожарную команду и кричи:

— Горит хлопок! Скорее, скорее, дайте шланг, дайте помпу!

Ота? Ну что он может? Ота скажет медленно, лукаво:

«Надо иметь толк в голове, а у тебя ветер. Хоп — бегу, хоп — сею, хоп — не поливают. Ай-вай, буду кричать: «Помогите!» Но ведь ты не тонешь? Кричат, когда тонут, кричат потому, что уже нет сил. А ты всегда — будто тонешь».

Азим копает, копает, но сил совсем мало. Пыль в глазах, во рту, дышать нечем. Сил совсем нет. Вот-вот упадёт Азим, но он знает, что не упадёт, просто остановится.

Озида идёт впереди. Одна толстая коса у правого уха, двадцать шесть тонких у левого. Косынка сбилась тюрбаном на самой макушке. Озида остановилась, чтобы поправить косынку. Только чтобы поправить. Завязала ровно, очень ровно. Мелкие складки подтянула, подправила. Снова стала копать. Набирает землю на лопату так, будто берёт халву ложкой, несёт её бережно и сыпает спокойно. Разгибается чуть-чуть и сгибается легко. Как она не устаёт?

Азим засаживает лопату по самый черенок, хватает её полную, махом кидает, снова полную лопату, снова вверх, и опять запарился, остановился. А Озида свою силу знает, она останавливается мало.

До отвода канала шестьсот шагов.

Всего четыре шага — канава Азима. У других ребят ещё меньше.

Духота, пыль и даже не ел ничего Азим с утра.

...На следующий день утром должны были собраться в пять утра около правления. Их

могла бы подвезти машина, но на машину успели только Озида и Азим. Они шли от машины молча. Что-то очень грустная была Озида. Она шла и покусывала свою косичку.

— Ты очень устала вчера и не выспалась?

— Нет! Я выспалась, — сказала Озида, — только мама меня совсем не хотела пускать. Сказала, что я девушка и мне должно быть стыдно.

— Сколько тебе лет, Озида? Тринадцать?

— Четырнадцать, но мама сказала, что в четырнадцать лет она уже носила паранджу, что отец видел её всего один раз и сказал ей тогда: «Лолахон». Так и сказала, понимаешь?

Азиму вдруг стало стыдно, ужасно неприятно всё это слушать, и он помчался вперёд, размахивая лопатой. Озида не бежала. Азим с разбегу бросил лопату в арык и прыгнул сам. Он начал глубоко копать и кидать землю далеко в сторону. Воздух утром был совсем прохладный, роса ещё лежала на листьях хлопка. Листья казались более свежими, блестящими. Озида забралась в свою канаву и крикнула Азиму:

— Я буду копать тебе навстречу! Так скорее, правда?

У них каждому было задано по сто шагов канавы. Если бы ещё ребят позвать, тогда было бы поменьше работы на каждого, но где ребят найти?

Вон едет Гафир на велосипеде и с ним Сабит на раме. Кто ещё придёт?

Пришёл Ота. Он глядел на ребят и качал головой. Подошёл к Азиму. Постоял. Ничего не сказал, пошёл своей медленной походкой. Сегодня у Азима с утра было много сил, и он даже пел копая, пел громко, чтобы Ота слышал далеко.

К половине дня Азим устал. Пришли только пять человек. Шестая канавка пустовала. Азим выкопал двадцать шагов. Озида — десять. Другие ребята — по пять, по шесть шагов, не больше. Всех сморило солнце. Ели лепёшки, пили тёплую воду. Снова Азим вскакивал первый и бежал рыть. Копать землю на заре — тяжело, но можно; копать в зной — очень тяжело, копать землю вечером — совсем нельзя. Вечером мысли путаются, глаза сами закрываются, болят спина и шея и, кажется, упал бы и заснул.

И всё-таки надо копать. Ты бросишь, и другие бросят. Что делать? Надо кончить работу.

Охрипший, пропылённый Азим кричал ребятам:

— Завтра к пяти придёте?

Усталые всегда ссорятся быстрее, чем бодрые. Гафир сказал:

— Чего ради приходиться в пять? Надо выспаться.

— Не хочешь работать, не приходи совсем.

— И не приду! — сказал Гафир.

Он сел на велосипед и посадил Сабита. Они уехали.

Азим бросил лопату и сел.

— Пойдём к каналу, — сказала Озида.

— Никуда не пойду.

— Пойдём... Тут пыльно, жарко!

Азим пошёл за ней. Они бродили по воде, мылись. Окунуться было нельзя, — мелко.

— Завтра здесь будет много воды.

Азим остановился:

— Как завтра? Завтра дадут воду для полива?

— Кажется, Ота говорил — завтра...

— Что же ты молчала? — закричал Азим. — Ведь нам не достанется воды! Или придётся углубить наш арык — ещё копать десять дней! Ты понимаешь? Наш арык не такой глубокий, как отвод канала! Нам не достанется воды! Мы зря все руки истёрли лопатами!

Он выскочил из арыка, надел тапки. Быстро, кое-как напялил рубашку. Озида огорчённо спросила:

— Что ты хочешь делать?

— Копать.

— Один?

Азим не отвечал.

— Завтра мы кончим! Ну не надо одному копать, — говорила Озида.

Азим и сам понимал, что нельзя копать одному.

— Надо всех ребят собрать. Всех обойти. Побежали! — сказал он и действительно побежал. Но скоро он перешёл на шаг. Озида догнала его. Азим высчитывал, загибая пальцы:

— Собрать человек сорок — тогда кончим.

— Как же собрать их?

Азим думал, морщил лоб, потом сказал:

— Сходи к Гафиру. У него велосипед, он поможет. Я знаю его, он просто так рассердился, правда?

Их догнала машина. Азим замахал обеими руками. Машина остановилась и забрала ребят.

Утром на поле пыль стояла облаком. Двенадцать ребят рыли канаву. Стучали лопаты, мелькали спины, тубетейки. Азим радовался. Он копал, как экскаватор.

Болели ладони, горели, кололи тысячи иголок, но Азим радовался. Сегодня он не уставал так быстро, не останавливался, он шёл вперёд. Не пришла Озида. Так удивительно, что она не пришла.

Азим копал, нажимая на лопату левой рукой, — на правой вчера он сорвал водяную мазоль.

Всё равно он копал быстрее всех. Стыдно дехканину иметь свежие мозоли на руках. Дех-

канин с семи лет работает с кетменём. Но дехканин куда не спешит, он не любит спешить, а Азим не может ждать, он должен добыть воду хлопку.

Азим копал, а многие ребята, из тех, кто пришёл первый раз, уже устали и бросили лопаты. Копал Гафир, а другие сидели или вяло ковыряли землю. Азим оглянулся:

— Что вы сидите? Ведь вот он, отвод канала! Всего шагов двести, даже меньше... Мы столько копали вшестером, даже вчетвером! Давайте копать, ну, вставайте!

Ребята вставали, но лопаты их двигались медленно. Азим и сам начал уставать, однако не хотел дать себе передышки, не хотел показать усталости.

Он не знал своих сил, не умел ими распоряжаться, и они оставили его. Скоро Азим сам еле-еле копал землю; двести шагов, которые осталось

докопать, казались ему длиннее километра. Он остановился и сел в канаву. Отчаяние взяло Азима. Нет, им не кончить сегодня, нет, не будет у них воды! Под руку попался сухой лист хлопка, и горький комок подкатился Азиму к горлу. Дехканин не может плакать, а у Азима и нет слёз, так он высох за эти дни.

И тут он услышал далёкий грохот. Трактор? Почему идёт трактор сюда, к их участку? Большое поле в стороне, да и нечего там делать трактору. Азим встал. Он увидел пыль и в пыли маленькую машинку,

игрушку: одна кабина и ковш. Канавокопатель! Если бы его попросить к ним, к их арыку!.. Азим сделал несколько шагов, потом побежал. Кто в кабине? Кто в пёстром бексаме? Озида! Озида!!!

Азим бежал навстречу. Озида выскочила и помчалась к нему.

— К нам машина-а! — кричала она. — Ота достал нам машину!

Азим бежал со всех ног. Какой умный, добрый инженер выдумал тебя, смешная машина?! Пусть тебе будет слава, добрый инженер!

— Ота! Озида! — кричал Азим и спотыкался, падая в пыль.

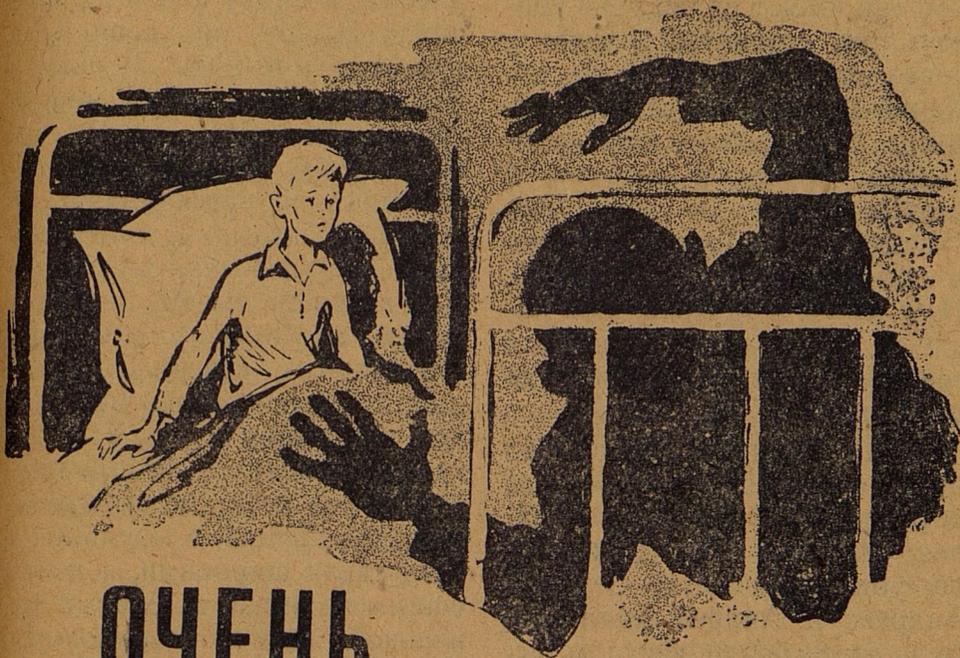
Он поднимался и прыгал от восторга, прыгал высоко и бросал тюбетейку на землю.

Машину облепили ребята, а водитель и Ота вышли и сели в тень. Ота достал свой термос, подмигнул Азиму:

— Выпьем чаю?

Азиму плохо терпится, но он садится рядом с Отой. Он пригибает ноги, как Ота. И пьёт чай.

ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

ПОВЕСТЬ

ЛЮДИ, ГДЕ ВЫ?

Меня хотят убить. Эти страшные люди — дядя Петя и старик — хотят убить меня в воскресенье, когда «бешеные» вновь заполнят наш дом, чтобы дождаться конца света. За что они хотят убить меня, за что? Я никому не сделал ничего плохого. Я не лазил в чу-

жие сады и не бил футбольным мячом окна. Я не ломал деревья и не мучил птиц. Я не был подлизой и фискалом. И если я кого-нибудь когда-то обидел, так это только маму. Обидел тем, что уже четыре года не могу встать с постели. Но я ведь этого совсем не хочу. И разве не рассчиталась она со мной тем, что привезла меня сюда!

Эти люди убьют меня, чтобы заграбастать побольше денег. Они только говорят о каких-то грехах. Они дурачат всех, всех — и мою маму, и Катюку, и женщину с ребёнком, чтобы вытянуть у них побольше денег. Они сами не верят ни в бога, ни в чёрта, за деньги они

Продолжение. Начало смотри „Искорку“ № 4—8 за 1962 г.

готовы убить не только меня, но любого.

Я рву зубами одеяло, и грязная вата лезет мне в горло. Какое они имеют право меня убивать, эти фашисты! Я живу в советской стране, и даже это Качай-Болото — советская деревня, а не фашистский концлагерь. Сейчас я закричу, и отовсюду сбегутся люди. Они схватят дядю Петю и старика и отведут их в тюрьму. За всё. И за маму, и за меня, и за какие-то старые дела, о которых говорил «брат» Гавриил, и за дружинника...

За дружинника!.. Это слово вдруг обжигает меня. Какого дружинника? Неужели Андрея, старшего сына дяди Егора, убил дядя Петя? Он знал Андрея, и Андрей знал его. Ведь этот «брат» все годы бывал у нас. А может, он потому и убил Андрея, что тот знал его в лицо. Говорили о какой-то шайке. Значит, вот чем кроме «слова божьего» промышлял дядя Петя. Но как он после этого мог смотреть им в глаза — дяде Егору, тёте Тане, Лёньке? Как мог? Очень просто. Такой гад может всё!

Я плачу и кричу, захлебываясь от слёз:

— Люди, где вы? На помощь! Спасите, люди!

И стучу кулаками по железной спинке кровати.

С грохотом отворяется дверь, и мама бросается ко мне.

— Сашенька, что с тобой? — испуганно спрашивает она и хватает меня за разбитые в

кровь руки. — Что с тобой, сынок?

Я прижимаюсь к её тёплым ладоням, пахнувшим кислым хлебом, и плачу навзрыд, не в силах сказать ни слова. Она приносит мне воды. Я пью, а вода ручейками льётся мне на грудь, и жестяная кружка стучит о зубы. Наконец я успокаиваюсь и рассказываю ей всё. Я рассказываю, а она слушает и гладит меня по голове. Как когда-то, тысячу лет тому назад, в Минске, маленькая, сторбленная, совсем поседевшая за эти несколько месяцев, что мы живём здесь. На ней грязный ватник и тёплый платок, из-под которого выбивается седая прядка, а морщины у глаз стали широкими, и почти совсем не видно поджатых тоненькой ниточкой высохших губ.

— Да это померешилось тебе, соколик ты мой, — ласково говорит она и смотрит на меня большими глазами, из которых так и брызжут тоска и страх. — Приснилось это всё тебе, глупенький. Ну кто это сейчас людей режет? Дядя Петя — он добрый, он хороший, ты его, как родного отца, почитать должен. Кормит он тебя, поит, святого человека того обещался привести, который чудеса-то творит. Глядишь, и вылечит он тебя. А про Андрея ты глупости говоришь. Бандиты его убили, а разве дядя Петя такой?

— Такой, такой! — отчаянно кричу я. — Он убил Андрея, он и меня убьёт! И тебя!..

Она глубоко вздыхает и бес-

сильно опускает руки на колени. И я прижимаюсь к ним, целую их и, задыхаясь, борочу:

— Мамочка, родненькая, увези меня отсюда. Слышишь? Увези! Зарежет он меня, в это воскресенье убьёт, не снилось мне, своими ушами слышал. Миленькая, увези.

Но она выдёргивает руки и вытирает рукавом щёки. Лицо у неё становится вытянутым и злым, под набрякшими веками гаснут глаза.

— Не блажи, Сашка, слышишь, не блажи, — сухо говорит она. — Четырнадцать тебе скоро, не к лицу тебе мать изводить-то. А с Петром Ивановичем я поговорю насчёт твоих страхов. Пусть он тебя сам успокоит.

Она выходит и возвращается с завтраком. Я отворачиваюсь к стене и глухо, надсадно плачу.

Постепенно я начинаю успокаиваться. Утренний разговор мне самому кажется просто страшным сном. Но как же свистящий самовар? Мама ведь только что вынесла его в кухню! И блюдечко вынесла, с которого старик чай прихлёбывал. Нет, это не сон, не сон это! Мама ничего не замечает. Не зря дядя Петя сказал, что из неё верёвки можно вить.

Я подтягиваюсь к подоконнику и опять изо всех сил кричу в окно:

— Люди, где вы! Помогите, люди!

Кричу, пока голос у меня не начинает сипеть, как наш са-

мовар. И — ни души. Неужели на всём земном шаре не найдётся человека, который услышит меня и выручит из этой страшной беды? Наверно, нет. Наш дом стоит на отшибе, у самого леса, и дорога обходит его стороной. Да и нет на ней никого, на этой дороге. Только ветер подтирает лужи клочьями грязной соломы.

И тогда я вспоминаю о Катке. Она придёт, она ведь обещала. Я расскажу ей всё, она пошлёт дяде Егору телеграмму, и соберёт народ. Она обязательно придёт!

ПОЖАР

Понедельник, вторник, среда... До воскресенья осталось всего три дня. А там — конец. Почему так быстро летят дни? Раньше они тянулись медленно-медленно. А теперь — летят.

Кати нет. Наверно, Танька Копылова опять задразнила её, и она переживает свои обиды и молится богу, чтобы он превратил Таньку в жабу. А обо мне она совсем забыла. И даже не знает, что от утра до ночи я не свожу глаз с дороги и жду её больше всех на свете — эту косоглазую Катку в резиновых сапогах, с жиденькими льняными косичками, которые повывёртывала её мать.

Дяди Пети тоже нет. Как исчез он в то утро, в понедельник, так и не появлялся. И бабка исчезла, угнала куда-то продавать кабанов и корову. А мама на работе. Она работает на ферме за шесть километров и домой не приходит —

с утра на столике оставляет мне еду на весь день.

Я лежу на кровати, Мурза сидит на цепи. Она тихонько повизгивает. Видно, мама за-была её накормить. Она тоже не любит Мурзу, как и я.

Осталось три дня, всего три. Я уже не плачу и не кричу — после понедельника я могу разговаривать только шёпотом. Я лежу и думаю. О чём? Обо всём на свете.

Почему одни люди добрые, а другие — злые? Вот тётя Таня, например, или дядя Егор — они добрые. И Лёнька. Как он мне ракету помогал делать! Целый вечер просидел. Дядя Егор над ним даже посмеивался, говорил, что убежит его девушка к другому. А Лёнька краснел и невпопад колотил молотком.

Я знаю Лёнькину девушку. Она к нам однажды приходила. Её зовут Глаша, Аглая Филипповна. Она дружит с Лёнькой ещё со школы, учились вместе. Теперь она моя вожатая, старшая пионервожатая нашей 82-й школы. Это через неё Лёнька привёл ко мне Веньку и его команду.

Или вот Венька. Прибежал ко мне в тот день, когда профессор Сокольский приходил, а вода с него в три ручья так и льёт. И стал он не рыжим, а чёрным. Как он к экскаваторщику пристал! И экскаваторщик тот хороший. Не прогнал его всё-таки, дал за рычаги под держаться. А свободно мог прогнать.

Интересно, научился Венька управлять экскаватором или

нет? Наверно, научился. Он ведь потом самым лучшим другом у экскаваторщика стал. Прибегал чумазый, весь в масле. И всё рассказывал, как он дома сам свои рубашки стирает. Его мама так Веньке и сказала: «Хочешь мазаться — пожалуйста, но грязным чтоб я тебя не видела». И он стирал рубашки в ванной. Так стирал, что дырки протирал. А потом она учила Веньку штопать эти дырки.

Вот и мама у Веньки хорошая, хотя я её ни разу не видел. А моя мама? Моя тоже была хорошей. Давно-давно, миллион лет тому назад. Сейчас она злая, и глаза у неё запали глубоко-глубоко.

И бабка злая, старая карга, и сундук у неё злой. Вон как замком оскалился. И дядя Петя злой, и старик, хоть и говорит таким ласковым, неторопливым голосом. И все «бешеные», наверно, злые. Иначе чего бы они здесь орали и корчились?

Хотя нет, видно, всё-таки не все. Вон ведь Катькина мама, даром что ей косички повывёргивала, а сто рублей на ботинки прятала. А тётя с ребёнком? Как она его потом целовала да укачивала, когда беситься перестала? Дурные они, а не злые, и злость их от дури.

И дядя Петя — дурной? Нет, он хитрый. Опутал маму мою и всех здесь опутал. И старик не дурной. Как он про продавщицу говорил?!

Так почему же всё-таки одни люди добрые, а другие —

злые? Что они такими рождаются, что ли? Это же волки рождаются злыми — обязательно кого-то они давить должны, иначе с голоду подохнут. А люди? Вот работала же мама на фабрике, и всего у нас хватало. Или дядя Егор. Ну зачем ему кого-то за глотку хватать, если у него всё, что надо, есть, и всё заработанное. Как это он себя называл? «Потомственный пролетарий!» А дядя Петя нигде не работает. Сроду не слышал, чтобы он о какой-нибудь работе говорил. И бабка тоже. А добра у них полон дом. Вон сундучище какой стоит! Наверно, трактор не увезёт. И денег, я однажды подсмотрел в щёлку, у дяди Пети тьма. Он их пересчитывал, когда дома никого не было, и у него от жадности руки тряслись. Значит, он и есть самый настоящий волк. И бабка — волчица. И старик. Как же им прожить, если они другого за глотку не схватят!..

А время бежит. Вот уже и полдень. Тихонько стучают старые жестяные ходики, шуршат за обоями тараканы. Два с половиной дня у меня осталось, всего два с половиной. А Катьки нет.

Я отворачиваюсь от окна и смотрю на тумбочку. На ней между тарелок стоит стеклянная лампа на высокой ножке и лежит коробок спичек. Это мама мне оставила, чтобы я зажёл, если она придёт поздно. Я знаю, что сделать. Сейчас я подожду дом, выбью окно и выкинусь в него. А потом немного отползу. На пожар

сбегутся люди. Я расскажу им обо всём, и они меня спасут.

Решение приходит внезапно, оно такое простое, такое надёжное, что я замираю от радости. Я беру лампу, дрожащими пальцами откручиваю головку и лью керосин на пол и на стену подалше от своей кровати. Как хорошо, что мама налила лампу только сегодня!

Пол и обои темнеют. Я чиркаю спичкой и бросаю туда. И тут же гудящее пламя взлетает к потолку, и меня обдаёт нестерпимым жаром.

Я обматываю голову одеялом, подтягиваюсь на руках и как тараном бью головой в стёкла. Они со звоном выскакивают. Пересиливая ноющую боль в пояснице, я протискиваю голову, ложусь животом на подоконник, проползаю через раму и падаю на грядки с побуревшей травой.

И в то же мгновение кто-то подхватывает меня и разматывает одеяло. Со стоном я открываю глаза и вижу над собой испуганные, прыгающие Катькины глаза. С Катькой — двое мальчиков. Один из них выдирает раму и прыгает в комнату. Второй прыгает за ним.

Катька подхватывает меня под мышки и тянет к забору. Мои ноги бессильно волочатся по земле. Она набрасывает на них одеяло и, подобрав платье, тоже прыгает в огонь.

ДЕРЖИСЬ, САШКА!

Пожар не успел разгореться — ребята одеялом сбили

на меня, второй тёр новую шапку, на которой осмолило мех. У него были белесые брови и красные, как у кролика, глаза. Наверно, от дыма.

— Я ждал тебя, — прохрипел я, — я тебя очень ждал, Катька.

И заплакал.

огонь. Когда они спустя несколько минут через окно втащили меня в комнату, только чёрное пятно, растекшееся по полу да обгоревшие на стенах обои, да смятая кровать и перевёрнутая тумбочка говорили о том, что здесь произошло.

Ребята перенесли меня в другую комнату, положили на кровать и укрыли — меня трясло.

— Что же это такое, Сашка? — тормошила меня Катя. — Как это ты?

Жиденькие косички совсем обгорели у неё, на лице она размазала сажу. Один из мальчиков сосал обожжённые пальцы и во все глаза смотрел

Мальчишки сконфузились и отвернулись. Катька растерянно замигала глазами.

— Я не могла раньше, Сашка, — сказала она. — Ну никак не могла. У меня мамка после всего этого заболела. Лежит пластом. Я и так соседскую Зойку попросила присмотреть за ней. А это вот, — кивнула она на мальчика, который с сожалением рассматривал дыру на шапке, — Митя Анисов. А вот тот — Севка Крень. Я тебе про них рассказывала.

Митя подошёл ко мне и протянул мне руку. На ладонке у него я увидел большой волдырь.

— Больно? — спросил я.

— Чепуха, — сморщился Митя и плюнул на ладонь. — До свадьбы заживёт. — И с гордостью добавил: — А ловко-то мы пожар потушили. Ещё минутки две — и пошёл бы ваш дом гудеть. Никакая пожарная не залила бы.

— Ладно, расхвастался, — осадил его Севка. — Ты расскажи лучше, как начался пожар? Что-то я ничего не понимаю. Лампу ты, что ли, разбил зажённую? Так зачем её зажигать в полдень?

— Не разбил, — ответил я. — Я сам дом поджёг.

— Сам?

Ребята вытаращились на меня, как на крокодила в зоопарке. Митя опять начал терзать свою шапку, а Севка сунул в рот обожжённые пальцы.

И тогда я рассказал им, всем троим, обо всём: о дяде Пете, о старике, о разговоре, который я подслушал в понедельник утром. Митя перестал дорывать свою шапку, Севка криво улыбался, наверно, думал, что я заливаю. И только Катька глядела на меня с испугом и размазывала по щекам липкую чёрную сажу.

— Вот поэтому я и поджёг дом, — прошептал я, окончив свой рассказ. — Думал, сбегутся люди, помогут мне. А вы мне поможете? — И я в упор посмотрел на ребят.

Севка перестал улыбаться.

— Спрашиваешь! — сказал он. — Да мы сейчас всю деревню поднимем. Председателя колхоза Артёма Палыча сюда приведём. Да мы...

Он задохнулся и сжал кулаки:

— Да мы этот паршивый дом по брёвнышкам раскатаем. Не зря, смотри, по деревне говорят, что лихие тут, у живоглота этого, дела творятся! Ах, гад, что придумал!..

— Мне телеграмму надо послать, — перебил я его. — Молнию. Сделаете?

— Сделаем, — напялил Митя на голову прогоревшую шапку. — Я сейчас — на почту, ты, — кивнул он Севке, — беги за председателем. А ты, Кать, оставайся здесь, с ним. Если что, зови народ. — И наклонился надо мной: — Куда телеграмма-то? И что писать.

— В Минск, улица Полярная, дом 14, квартира 3. Егору Сергеевичу Зенченко. Напиши: «Приезжайте немедленно». И укажи адрес, как в Качай-Болото доехать. Только молнию!

— Ясно, — коротко кивнул Митя. — А как подписать?

— Саша Щербинин. Но... — замялся я.

— Что «но»?

— Денег у меня нет. Ни гроша. А молния, наверно, дорого стоит?

— Обойдёмся, — отрезал Митя. — У меня есть — на фонарик китайский собирал. Будет сделано. Пошли.

Дом был заперт, и Митя с Севкой пошли в мою комнату и выпрыгнули через выбитое окно. Прыгая, Севка, видимо, ухватился обожжённой рукой за раму: я слышал, как он негромко вскрикнул от боли.

Мы с Катей остались одни.

Она стояла, облокотившись на подоконник, и исподлобья смотрела на меня — вздёрнутый нос, перемазанные сажей щёки и обгоревшие косички. И вовсе не была она похожа на старушку. Так, длинноногая девчонка в коротком красном пальто, из рукавов которого торчат руки со шрамами от старого ожога.

с завистью добавляет: — А я бы не смогла так. Ни за что не смогла бы. А Митя тоже бы смог. Он тоже отчаянный. Недавно с Севкой ракету смастерил. На Луну запустить. Напихали в неё охотничьего пороха, а потом как подожгли!

Глаза у Кати становятся большими и круглыми, а на лбу появляется морщинка.

— И как это ты, Сашка, решился на такое? — испуганно говорит она, а в глазах у неё — восторженные звёздочки. — Ведь занялся бы дом, ну куда бы ты уполз! Сгорел бы!

— Подумаешь, — равнодушно отвечаю я. — Всё равно меня бы в воскресенье прикончили.

Катя молчит, а потом всплещивает руками:

— Ух и отчаянный ты! — И

— Ну и что? — заинтересованный, спрашиваю я.

— А она как взорвётся, ракета эта, — возбуждённо выкрикивает Катя и хохочет так заразительно, что даже я начинаю улыбаться. — Как взорвётся! Митька хлоп на землю, и ноги кверху. А Севка как струсит да во весь дух в школу. «Бегите, — кричит, — а то там Митька для науки разорвался!» Прибежали мы к Митьке во двор, а он сидит весь красный, как помидор. Мы к нему. «Митька, что с тобой?» А он и отвечает: «Затычки, — отвечает, — из дюзов вынуть забыли. Выхода газам не было. Вот она и взорвалась». Так его после этого просто извели ребята. Всё спра-

шивали, как это он про затычки забыл.

Я вспомнил про свою ракету, серебристую и лёгкую, вспомнил, как она хрустнула и сжалась в гармошку под сапогом дяди Пети, и какой-то сухой ком начал царапать мне горло. Из-за фанерной двери, из моей комнаты тянуло холодом. Где они сейчас, Митька и Севка, поскорей бы прибежали!

— А Митька у нас вообще мастеровой, — продолжала болтать Катька. — Его батя — тракторист в колхозе. Митька возле него и выучился на тракторе работать. Весной нам пришкольный участок весь чисто вспахал. А батя только стоял и командовал. Ему даже девятиклассники завидовали.

— Да ну? — удивляюсь я, представив себе маленького, круглоголового Митьку в шапке с прожжённой дыркой за рулём трактора. — А ты не того?..

— Не веришь? — обиженно моргает Катька. — А вот ещё не то было. Осенью Митин отец зябь пахал в ночную смену. Ну, Митька перед вечером ему еду понёс. Поел Савелий Романович, а тут у него живот схватило. Аппендицит, вот что. Митька говорил, у него и раньше как-то было, да отошло. А тут схватило — дальше некуда. Так Митька положил отца на трактор и в больницу отвёз. Недалеко от деревни поле было, с километр. А потом забежал домой, матери сказал, и на поле. До самого

утра пахал, — с восхищением заканчивает Катька.

Я вспоминаю, как метнулся Митя лёгкой тенью в разбитое окно, из которого валил дым, как мял в руках свою шапку, и говорю:

— Хороший парень! Смелый!

— Отчаянный, — как эхо, отзывается Катька. — Самый что ни на есть отчаянный во всей деревне.

Медленно, медленно тянутся минуты. Ходики стали, свинцовая гирька опустилась к самому полу. Катька выходит в мою комнату. Я слышу, как она передвигает там кровать, тумбочку. Наконец она влетает ко мне.

— Бежит! — кричит она. — Митя бежит.

А через минуту Митя, тяжело дыша, протискивается через выбитое окно.

— Послал, — задыхаясь, говорит он. — Всё в точности, как ты сказал. Молнией. Минск, Полярная, 14, квартира 3. Егору Сергеевичу Зенченко. Приезжайте немедленно хутор Качай-Болото Далёковского района пинским автобусом до Низка. Саша Щербинин. Так? Держи квитанцию.

— Так, — отвечаю я и изо всех сил трясу Митю за руку. Он морщится и прикусывает губу. Я отпускаю руки и смотрю на его ладони. На них, как подушки, вздулись волдыри.

— Прости, Мить, — говорю я.

Он конфузится и бормочет: — Ладно уж. Подумаешь, ерунда.

А лицо у него бледное, и я знаю, что это — совсем не зрунда.

— Постой, — спохватываюсь я, разглядывая розовый листок квитанции. — Тут ведь три рубля написано. Где ты такие деньги взял?

— Рубля не хватило, — смущённо улыбается Митя. — Только я как рассказал телеграфистке Полине Михайлов-

не, для какого это дела, — она тут же достала деньги и в один момент телеграмму отстучала. Через полчаса, сказала, получат.

Я отворачиваюсь к стене и чувствую, как трясутся у меня плечи. Митька, а теперь вот Полина Михайловна... Как много на свете хороших, настоящих людей!

(Продолжение следует)

Г. Пагирев

ТУЧКА-НЕМИНУЧКА

Ходит в небе тучка,
тучка-неминучка.
Быть дождю, не миновать,
надо окна закрывать!
Налетела тучка,
тучка-неминучка,
чем-то грохнуло в окно,
стало в комнате темно.
Вот тебе и тучка,
тучка-неминучка!
Как ударил дождь в стекло,
по карнизам потекло:
прохудилась тучка,
тучка-неминучка.
До каких же это пор
нас не выпустят во двор?
Пусть уходит тучка,
тучка-неминучка!..
Посмотрели мы в окно:
дождик кончился давно!
Ну а где же тучка,
тучка-неминучка?

В небе тихо и светло,
тучку ветром унесло.
Улетела тучка,
тучка-неминучка.

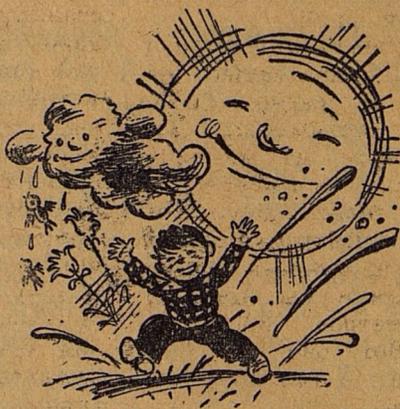

Рисунок Г. Ясинского

Что такое миллион?

Слово «миллион» вы слышите очень часто. Почти ежедневно вы встречаете его на страницах газет, слышите по радио. Особенно когда речь идёт о новых трудовых победах нашей промышленности, о грандиозных планах развития всех отраслей народного хозяйства нашей страны.

Но знаете ли вы, какое это огромное число — миллион?!

Вообразите себе, что вы идёте по тропинке вдоль железнодорожного полотна от Ленинграда к Москве. Путь у вас до Москвы не малый — 650 километров, а вы идёте не спеша и считаете свои шаги: один, два, три... До какой станции вы дошли бы, сделав свой последний, миллионный шаг?

Узнать это не трудно. Длина вашего шага в среднем равна 70 сантиметрам. Умножьте на миллион. Ого! Оказывается, вы не только дошли бы до центра столицы, но и, миновав её, прошагали бы этак километров с 50!

Вот оно что такое — миллион шагов!

А теперь представим себе, что на шоссе выстроились в шеренгу 16 ребят. Пожалуй, по ширине эта шеренга займёт

не менее 10 метров — всю проезжую часть дороги. А перед этой шеренгой в метре от неё встанет другая, потом третья, четвёртая... Что получится, если таким образом построится миллион ребят?

Тогда длина такой колонны растянется

от Ленинграда до станции Вырица и даже немного дальше — на 62,5 километра! А знаете ли вы, что во всех начальных и средних школах нашей страны обучается сейчас 36 миллионов школьников? Ну-ка, всех их в одну колонну! Вот это здорово! Огромная армия ребят заняла бы сплошь всю дорогу от Ленинграда до Чёрного моря! Когда первые ряды этой колонны (длинной в 2250 километров!) входили бы в Артек, последние ря-

ды только выходили бы из Ленинграда!

Вот как много в нашей стране ребят-школьников. Сколько же им нужно карандашей, букварей, учебников, тетрадей!.. Кстати, о тетрадях и о миллионе. Вообразите себе стопку обыкновенных школьных тетрадей, положенных одна на другую. Какова будет высота такого бумажного столба?

Расчёт прост. Толщина одной тетради равна двум миллиметрам. Умножим на миллион. Результат — два километра. Получается, что пачка из одного миллиона тетрадок будет в 20 раз выше Исаакиевского собора!

Но ведь тетрадок у нас выпускается не один, а много-много миллионов. Вы только подумайте, что получится, если у нас каждый школьник испортит в течение учебного года всегонавсего только однуединственную тетрадь? Сколько тогда пропадёт народного добра? Подсчитав, вы убедитесь: стопка из 36 миллионов испорченных тетрадей составила бы столб высотой в 8 раз выше самой высокой горы — Эвереста! Вес такого столба испорченной бумаги оказался бы более 120

тонн, а её стоимость не менее десяти тысяч рублей.

Вот ещё несколько примеров.

Один миллион минут — это почти два года.

Один миллион пудов зерна может обеспечить питанием на год (по 1 кило-

грамму в день) город с населением в 44 000 человек.

Теперь вы сами можете подсчитать и убедиться, как величественны задачи нашей семилетки и как богато мы будем жить к 1980 году.

Когда будете производить эти подсчё-

ты, то вы встретите уже и миллиарды (что в 1000 раз больше миллионов) и даже триллионы (которые в 1000 раз больше миллиардов).

В. И. ПРЯНИШНИКОВ, учёный секретарь Ленинградского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества при Академии наук СССР.

Недаром помнит вся Россия...

(Подписи к снимкам на 2-й странице обложки)

7 СЕНТЯБРЯ вся наша страна отметила 150-летие со дня Бородинского сражения. Вверху справа вы видите портрет гениального русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова, под руководством которого были разбиты полчища Наполеона.

Наш народ свято хранит память о Бородинской битве. Многие тысячи людей побывали этим летом на Бородинском поле [верхний снимок]. Ниже вы видите памятник 1-й конной батарее гвардейской артиллерийской бригады. В самом низу слева — памятник кавалергардам и конной гвардии, заставившим отступить самые отборные кавалерийские полки французского генерала Мюрата. Война закончилась разгромом Наполеона. Русским войскам сдались многие французские города и крепости. Ключи от них хранятся в Казанском соборе возле могилы М. И. Кутузова.

Пушка, которую вы видите на нижнем снимке справа, участвовала в войне 1812 года. Сейчас она стоит в Артиллерийском историческом музее.

Фото О. Кузьмина (фотохроника ТАСС) и Н. Карасёва

С фотоаппаратом по странам мира

(Подписи к снимкам на 3-й странице обложки)

ВСЕ эти снимки рассказывают о том, как живут ваши сверстники за рубежом.

1. Посмотрите, как вырабатывают левкость кубинские мальчишки на площадке для игр в школьном городке «Камило Сьенфуэгос»! 2. «Годом образования» назвали на Кубе 1961 год. На снимке вы видите первоклассников одной из множества построенных на Кубе школ. 3. На севере свободного Лаоса, в провинции Сам-неа, обучается 6 тысяч детей — на треть больше, чем в прошлом году. Учится письму и девочка Чень Ли национальности тай. 4. Эти весёлые ребята — будущие артисты китайского балета. В балетной школе Пекина учатся 300 таких мальчиков и девочек. 5. Любят танцевальное искусство и в Японии. В японской столице Токио открыта балетная школа в честь великого русского композитора П. И. Чайковского. В школу приезжали советские балетмейстеры. Этот снимок сделан в младшем классе в тот момент, когда занятия проводила советский балетмейстер С. Месерер. 6. А этот снимок переносит нас на остров Касса в Гвинейской Республике. Видите, как подружались маленькие островитяне с доктором И. Систковой, приехавшей из Чехословакии!

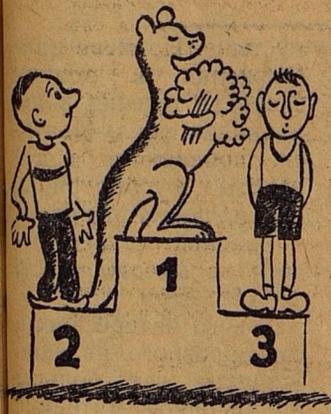
Фотохроника ТАСС

Спортивный калейдоскоп

САМЫМ молодым видом спорта является художественная гимнастика. Впервые она появилась примерно всего четверть века назад в СССР. Основателями её были ленинградцы.

САМЫЙ удачный прыжок «выше головы» принадлежит рекордсмену мира советскому легкоатлету Валерию Брумелю. Разница между его лучшим достижением и собственным ростом составляет 40 сантиметров.

САМЫМ разносторонним «чемпионом» по лёгкой атлетике спортивные специалисты считают... кенгуру. Это животное прыгает в высоту на 275 сантиметров, в длину на 12 метров и бежит со скоростью 70 километров в час.

САМЫМИ непримиримыми врагами спорта были английские короли. В средние века они даже издавали специальные указы, запрещающие британ-

цам играть в футбол и заниматься лёгкой атлетикой.

САМОЕ большое количество зрителей на матче боксёров было в 1941 году в американском городе Мильвоки. Ринг был установлен на стадионе, который заполнили 135 000 зрителей.

САМАЯ необычная из спортивных газет издаётся в Лондоне. В ней помещаются материалы только о собачьих бегах. Надо сказать, что это зрелище чуть ли не самое популярное на Британских островах. Во всяком случае, подсчёты показывают, что собачьи бега посещает больше зрителей, чем их собирается на футбольных стадионах.

САМЫЙ первый футбольный клуб был создан в Англии в 1855 году. Он назывался «Шеффилд-клуб». В те времена ещё не существовало никаких правил игры и в командах выступало неограниченное число игроков.

САМОЙ короткой партией в шахматы была встреча, закончившаяся после четвёртого хода. Есть и другая партия, которая длится вот уже более тридцати лет. Один из партнёров живёт в Европе, другой — в Австралии. Регулярно один раз в год они посылают друг другу ходы по телеграфу.

САМЫМ удивительным спортивным инвентарём пользовались зачинатели игры в водное поло. Они плавали, сидя в бочках и отталкиваясь длинными шестами. Этими же шестами первые ватерполисты старались загнать мяч в ворота.

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

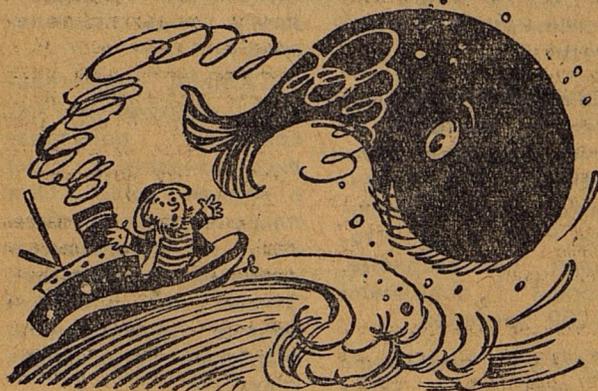
Кит в сетях

ЭТОТ необычный случай произошёл в Северной Атлантике. Команда рыболовного траулера «Бобров» стала выбирать сети. Стальной трос натянулся, как струна, и с трудом наматывался на барабан. В чём дело?

И вдруг команда ахнула. На поверхности показалась десятиметровая туша кита-бутылконоса. Вероятно, кит попал в сети

уже давно, совершенно обессилел и не сопротивлялся.

Вскоре при помощи лебёдок гигант был вытаскен на палубу. Кит, немного отдышавшись, с такой силой ударил хвостом по фальшборту, что канаты и тросы лопнули, как нитки. Рассекая вспенившуюся воду, бутылконос взмахнул на прощанье хвостом и скрылся в глубинах океана.

Морской водопад в пустыне

ТАКОЕ своеобразное и исключительно редкое явление природы можно наблюдать на юге нашей Родины. Известно, что водопады образуются только на реках. Однако, оказывается, если в морских проливах есть течение и отвесные уступы на дне, то в них тоже могут

возникнуть водопады. Именно такой водопад и образовался на Карабогазском проливе, когда обмеление Каспийского моря вызвало в нём снижение уровня воды.

В этом проливе морская вода вначале течёт ровным и спокойным потоком, напоминая широкую реку в

Крупнейший в Европе

ШИРОКА Волга у Саратова: почти три километра. И здесь строится автоторожный мост через Волгу. Длина нового моста равна двум тысячам восьмистам пяти метрам. Ширина — пятнадцать метров. По его проезжей части пойдут троллейбусы и автотранспорт. Оставлены дорожки для пешеходов. Это будет самый крупный мост в Европе.

Саратовский мост необычен не только по своим огромным размерам. Его подводные и надводные части возводятся из сборного напряжённого железобетона. Используются и другие новинки мостостроительной техники.

В 1963 году строительство моста будет закончено.

пустыне. По мере приближения к заливу скорость течения воды начинает увеличиваться, появляются водовороты и быстрины, она начинает пениться и наконец падает отвесно с высоты около 4—4,5 метра.

Такого интересного и своеобразного явления природы нет больше ни на одном материке Земли.

...верблюд утоляет свою жажду морской водой, не смотря на большое содержание в ней различных солей? У других животных и у человека от употребления морской воды жажда только усиливается.

...одной из первых «претенденток» на участие в космических полётах к далёким мирам является микроскопическая водоросль хлорелла? Уж больно полезна эта водоросль для человека. Это микроскопическое растение содержит в себе столько же витамина «С», сколько содержит его целый лимон! Кроме того, белков она содержит вдвое больше, чем бобовые, много жиров и углеводов. Но и это ещё не всё: хлорелла способна выделять такое количество кислорода, которое в 200 раз превышает её собственный объём. Но всему прочему хлорелла и очень «урожайна»: с одного гектара водной поверхности она даёт свыше 30 тонн зелёной массы! Как же космонавту не взять с собою в полёт такую хорошую спутницу!

Знаешь ли ты, что?

...самой продолжительной воздушной экспедицией в истории советской авиации была проведённая в этом году первая опытная авиаэкспедиция в Антарктику? Она продолжалась 22 дня, и её участникам пришлось пролететь над четырьмя материками: Европой, Азией, Австралией и Антарктидой, а также двумя океанами — Тихим и Индийским. Если бы тем же маршрутом ехать по земле, то путь занял бы около года!

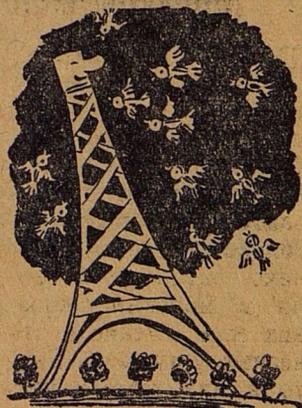
...меньше всех боятся холода гуси и кошки? Они могут переносить температуру минус 110 градусов по Цельсию. Даже белые медведи и те, если выдерживают мороз, то только до 80 градусов, а большинство млекопитающих — лишь до 45 градусов.

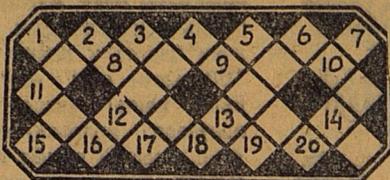
...гусеница одной ночной бабочки отпугивает нападающих на неё птиц, показывая им огромную голову, с вытарщенными «глазами» и оскаленными «зубами»? Но всё это обман. Глаза и зубы — это узоры на коже. Гусеница совершенно безобидна.

...пчеле, чтобы собрать килограмм меду, нужно облететь примерно один миллион цветов и принести до 150 тысяч нош нектара? Если цветы находятся в полутора километрах от улья, простой расчёт показывает, что пчела преодолевает около полумиллиона километров — в десять раз больше окружности земного шара по экватору. Полёт пчелы отличается большой быстротой. В секунду она делает до 440 взмахов крыльями.

...человек излучает радиоволны? Установлено, что частота этих радиоволн равна примерно 150 тысячам колебаний в секунду. Излучение происходит только тогда, когда мышцы человека напряжены. Например, мышцы грудной клетки излучают радиоволны только при вдохе. При выдохе излучения нет. Установлена также одна интересная особенность: некоторые мелкие мышцы дают гораздо более сильные излучения, чем крупные.

...известная Эйфелева башня в Париже была в прошлом году подвергнута небывалой атаке? На её прожектора ночью обрушились тысячи жаворонков. Марсово поле перед башней было усыпано трупами птиц.

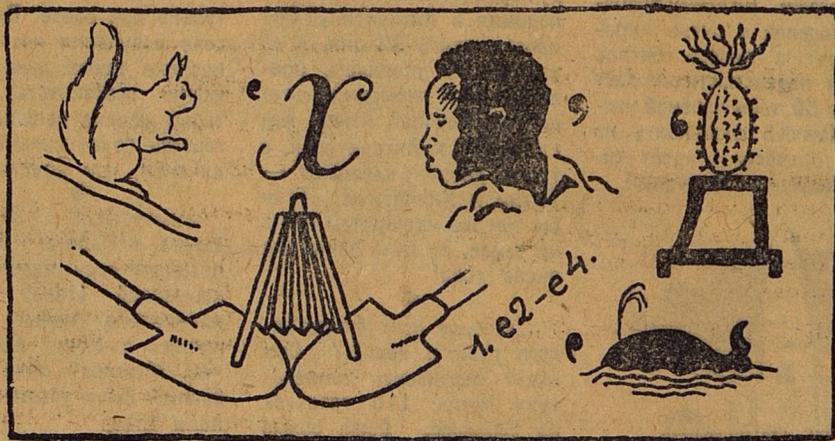

Слева направо сверху вниз: 1. Известный русский художник. 2. Положение в шахматной партии, при котором конь угрожает сразу двум фигурам противника. 3. Китайская мера длины. 4. Предусмотренное производственным планом количество продукции, приходящееся в среднем на одного рабочего. 5. Нота. 6. Река — приток Рейна. 11. Приток Днепра. 12. Приток Оки. 13. Нота. 14. Буква латинского алфавита.

Слева направо снизу вверх: 8. Вязкий осадок на дне водоёма. 9. Турец-

кий город на Черноморском побережье. 10. Разум. 11. Важнейшая пора в сельскохозяйственном производстве. 15. Река в Италии. 16. Действующее лицо из рассказа Л. Н. Толстого «Кавказский пленник». 17. Домашнее животное. 18. Город в Алжире. 19. Единица измерения сопротивления проводника. 20. Земельная мера.

РЕБУС-ЗАГАДКА

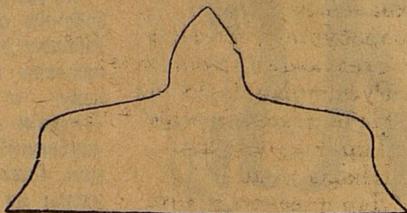

Разгадав ребус, вы прочтёте загадку... Её тоже нужно разгадать.

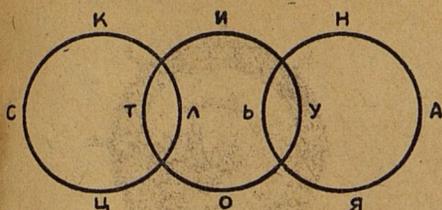
НА ТРИ ЧАСТИ

Прислал Витя Клёцкин

Эту фигуру предлагается разделить на три части, из которых можно было бы составить треугольник.

ЗАДАЧА С КОЛЬЦАМИ

Перед вами — три кольца, каждое с четырьмя «прикреплёнными» к нему буквами. Если одно из колец повернуть, то взаимное положение букв изменится, они сложатся в слово...

Это слово интересно тем, что оно состоит из двенадцати неповторяющихся букв. В самом деле, все двенадцать букв у колец — разные... Может быть, вы знаете другие такие же слова, состоящие каждое из двенадцати неповторяющихся букв? Пришлите их нам...

ЦЕПОЧКА СЛОВ

(Таня Бароненко, г. Пикалёво)

Заменить чёрточки слогами так, чтобы эти слоги были концом одного слова и началом другого, а всего в вашей «цепочке» получилось бы шесть слов:

МИ — ВЕС — ТО — РОС.

АНАГРАММЫ

(Лариса Ляпина, 210-я школа)

Из букв трёх слов (*воск, мат, он*) можно составить одно большое слово: *космонавт*...

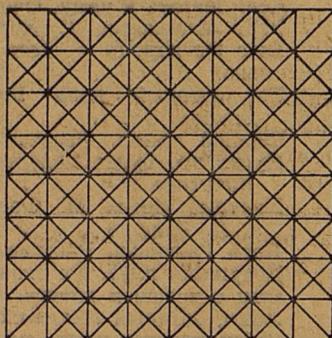
Попробуйте составить слова из букв следующих групп слов:

1. Русь + пат + лук.
2. Ночь + зона + ворс + тара.
3. Тир + кета + хор.
4. Школа + до.
5. Дар + венок + лихо.

РАССТАВЬТЕ ПОСТЫ

(Составил Я. Алексеев)

На рисунке — схематический план охраняемого объекта. Линии представляют собою дорожки (проезды). Требуется разместить тринадцать часовых так, чтобы просматривались все дорожки объекта и при этом ни одна дорожка не просматривалась сразу двумя часовыми... Как это сделать?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 7 и 8)

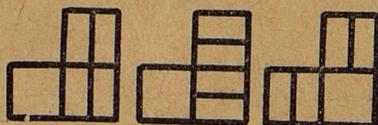
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Тибет. 6. Гамилтон. 9. Карачи. 10. Алтуна. 13. Саранск. 14. Дербент. 15. Кара. 17. Кобе. 19. Чад. 20. Ани. 21. Ахмадабад. 22. Трансильвания.

По вертикали: 1. Чирики. 2. Шельда. 4. Мадагаскар. 5. Монтевидео. 7. Мартиника. 8. Антверпен. 11. Евфрат. 12. Кувейт. 16. Адана. 18. Баден.

ЗАДАЧА СО СПИЧКАМИ

Решение смотри на рисунке.

ИНТЕРЕСНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

«Полили ли лилии?»

291677

СОДЕРЖАНИЕ

Дорога в космос. Стихотворение И. Демьянова	1
Если шагать к нему. Очерк Г. Князева	4
Утро начинается. Стихотворение Л. Дьяконова	17
Был бы парень — хоть куда! Стихотворение Э. Островской	17
Тот славный день Бородина. Стихотворение М. Романова	18
Чёрный принц. Рассказ Б. Раевского	20
Пусть это будет подвигом моим. Стихотворение Володи Кичигина	27
Хорошо! Песня М. Феркельмана на слова С. Великова и Л. Шишко	28
Катя Глазкова. Рассказ Н. Григорьева	30
Дедушкин плуг. Рассказ Л. Вахниной	38
Они с тобою в классе. Стихи В. Орлова	39
Азим, который всегда спешит. Очерк М. Данини	40
Очень хочется жить. Повесть М. Герчика	47
Тучка-немнучка. Стихотворение Г. Пагирева	56
Что такое миллион? Статья В. Прянишникова	57
Спортивный калейдоскоп	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Снова в школу».

На второй странице обложки фотоматериалы: «Недаром помнит вся Россия...»

На третьей странице обложки: «С фотоаппаратом по странам мира».

На четвёртой странице обложки рисунки художника Л. Каминского «Советы первокласснику». Стихи В. Сулова.

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, центр. Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер., 1) Тел. А 4-54-90

Сдано в набор 10/VIII 1962 г. Подписано к печати 19/IX 1962 г. 4 печ. листа
 М-08550 Заказ 1257. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Цена 10 коп. Тираж 75 000.
 Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57.

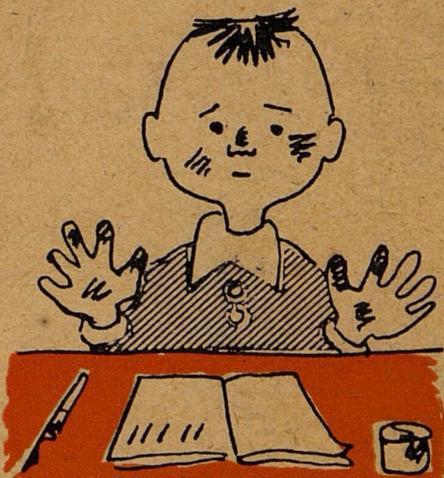
Советы первокласснику

В КЛАСС ПРИХОДИ
БЕЗ МАМЫ

Если в школу пошёл,—
Значит, вырос большой,
Значит, обязательно
Будь самостоятельным!

БУДЬ АККУРАТЕН!

Кто с чернилами
небрежно обращается,
Посмотрите,
что в итоге получается...

ОСИ В ШКОЛУ
НИЧЕГО ЛИШНЕГО

сть в портфеле
у Андрюшки:
Игла, гвоздик, две катушки,
Линейка, фантик от конфет...

МЕЛОМ ПИШУТ ТОЛЬКО
НА ДОСКЕ

Писать мы скоро будем,
И ты имей в виду:
Пиши на радость людям,